

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

АННА КНЯЗЕВА

The background of the cover is a detailed, high-contrast black and white illustration. It depicts a chaotic scene with swirling, turbulent patterns that resemble smoke, water, or perhaps a dense crowd of people in motion. In the center, there is a large, circular frame. Inside this frame, the silhouettes of a man and a woman are shown. The man, on the left, is holding a handgun and pointing it towards the right. The woman, on the right, is also holding a handgun and pointing it towards the left, as if they are facing each other in a tense moment. The overall style is reminiscent of a comic book or a pulp magazine illustration.

КОПЬЕ
ЧУЖОЙ СУДЬБЫ

Полина Свирская и Сергей Дуло

Анна Князева

Копье чужой судьбы

«Автор»

2014

Князева А.

Копье чужой судьбы / А. Князева — «Автор», 2014 — (Полина Свирская и Сергей Дуло)

ISBN 978-5-699-72218-1

Полина Свирская работала в художественной галерее всего полгода. Ей доверили провести экспертизу нескольких рисунков, но когда она закончила работу и передала папку с акварелями на хранение, оказалось, что одной не хватает... Следователя Сергея Дуло вызвали в отель «Рикс» – там был убит гражданин Чили Мишель Пиньера. При обыске номера чилийца Сергей обратил внимание на висящую не на своем месте картину. Под ней обнаружился рисунок, похищенный у его жены Полины, – «Человек в сером на фоне гор»... Ни Сергей, ни Полина еще не знали: расследуя это запутанное дело, им придется столкнуться с трагической историей любви немецкого летчика и знаменитой актрисы Третьего Рейха, а также прикоснуться к великой тайне всех времен и народов – местонахождению легендарного Копья Судьбы...

ISBN 978-5-699-72218-1

© Князева А., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	39
Глава 12	43
Глава 13	47
Глава 14	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анна Князева

Копье чужой судьбы

© Князева А., 2014

По коридору отеля «Рикс» катилась тележка, груженная мылом, шампунем и туалетной бумагой. Ее толкала тетка лет сорока, одетая в темное платье и белый фартук. Колеса тележки чуть слышно поскрипывали, отчего складывалось обманчивое впечатление, будто над головой порхает лесная птица.

Навстречу первой шла еще одна горничная – только помоложе. В семь сорок утра они встретились у номера триста пять.

- Не стучалась? – спросила молодая.
- Рано, – сказала сорокалетняя.
- Администратор шепнула, что он сегодня съезжает.
- Фанатик. Таких, как он, – еще поискать.
- Педант. – Молодая слабо толкнула дверь: – Да здесь открыто...
- Съехал, ей-богу, съехал, – сорокалетняя зашла в номер.

Молодая направилась дальше по коридору, однако далеко не ушла. Поравнявшись с лифтом, она услышала пронзительный крик.

Глава 1

Рисунок Б18

– Полина Сергеевна, подождите!

Свирская замедлила шаг, обернулась.

– Не помните меня? – Мужчина чуть запыхался. – Кириченко... Алексей Григорьевич Кириченко, заместитель директора. Мы с вами на совещании виделись. Ведь я не ошибся: Полина Сергеевна Свирская? Работаете в отделе экспертизы с акварелями середины прошлого века.

– Конечно, я помню...

В ее голосе не было уверенности, тем не менее Кириченко продолжил:

– Я про те акварели, что нашли в чемодане. Авторство установлено?

– Нет...

– Стало быть, в фонды они не попадут?

Полина взглянула на папку, что держала в руках.

– Думаю – нет. При ближайшем рассмотрении – работы весьма посредственные. Вы видели эти рисунки?

– Некоторые, – сказал Кириченко.

– И как они вам?

– Производят сильное впечатление, есть безмятежность и много воздуха.

– Это дело индивидуального восприятия. Экспертиза окончена. – Полина взмахнула папкой. – Сегодня сдаю в хранилище. Думаю, в скором времени они окажутся в каком-нибудь районном музее.

– Говорят, будто бы среди них есть рисунок...

Она его перебила:

– Пока это только предположение.

– Неужели Малевич? – на выдохе спросил Кириченко.

– Возможно, его неизвестный рисунок. С ним будут работать отдельно.

– Вот это находка!

Полина вежливо улыбнулась.

– Мне нужно идти. Еще вчера должна была сдать их в хранилище...

Она прошла по коридору, потом спустилась в подвальное помещение, миновала тамбур, обеспечивающий постоянную температуру в хранилище галереи.

– Вот. – Полина положила на стол картонную папку. – Сдаю. Свирская, отдел экспертиз. Хранительница заглянула в компьютер и, отыскав учетную запись, спросила:

– Все ли на месте?

– Конечно. Зачем спрашивать, если все равно проверять будете?

– Привычка. – Хранительница раскрыла папку. – Кажется, вы недавно у нас работаете?

– Полгода.

– И как?

– Пока нравится.

– Вот и хорошо. – Хранительница перевернула страницу. – Долго вас не задержу... Сейчас-сейчас... – Она вдруг замерла, потом подняла глаза.

– Что? – спросила Полина.

– Где рисунок Б18?

Полина улыбнулась.

– Вы шутите? Он – там.

- Взгляните сами. – Хранительница повернула к ней раскрытую папку. Полина увидела пустой лист картона, на котором прежде была закреплена акварель.
- Рисунок был здесь, – сказала она тихо.
- А теперь его нет, – заключила хранительница и потянулась за телефоном.

Глава 2

Человек в сером на фоне гор

В кабинете директора галереи Полина оказалась впервые, и этот раз мог быть последним.

Альберт Иванович Варовский сидел в резном кресле, украшенном позолотой. Седые волосы зачесаны на пробор, на костистом носу – очки в тонкой оправе. Спина – чрезвычайно прямая, надменное выражение лица.

Рядом стоял крупный мужчина, начальник службы безопасности – полная противоположность Варовскому. Ширококостный, с пухлыми щеками и глубоко посаженными глазами, которые в упор сверлили «подследственную».

– Не в ваших интересах что-либо скрывать, – заявил он.

– А я ничего не скрываю, – ответила Полина.

– Куда делся рисунок?

– Еще вчера он был на месте.

– Сегодня вы его видели?

– Сегодня? – Полина пожала плечами. – Кажется... – Она улыбнулась не к месту: – Конечно, я – растяпа. Не думала, что из моего кабинета, из сейфа, что-то может пропасть.

– Это «что-то» принадлежит не вам лично. И вы должны были обеспечить его сохранность.

– Юрий Николаевич, одну минуту. – Варовский поднялся с кресла и подошел к режимнику. – Я могу поговорить с Полиной Сергеевной наедине?

– Мне выйти? – спросил тот.

– Прошу вас...

Начальник службы безопасности скрылся за дверью. Варовский мягко прошел по ковру и опустился на стул рядом с Полиной.

– Потеря может оказаться невозполнимой. – Он сделал паузу, во время которой снял очки и протер их платком. – Если верить предварительной экспертизе – рисунок Б18 может принадлежать кисти Малевича...

– Я не брала его.

– Может, знаете, кто взял?

– Нет.

– Мне бы не хотелось предавать дело огласке и уж тем более привлекать полицию. – Он сунул платок в нагрудный карман и аккуратно расправил его кончик. – Подозреваете кого-нибудь из коллег?

В голосе прозвучали нотки сочувствия, однако Полина насторожилась:

– Я не могу никого обвинять. Может быть, видеонаблюдение...

Варовский ее прервал:

– Вам известно, что в административном крыле здания видеонаблюдение ограничено. Вспомните, когда в последний раз видели рисунок Малевича.

– Предположительно...

– Что? – Не расслышав, Варовский склонил голову.

– Предположительно рисунок Малевича, – повторила Полина.

– Не в этом дело, – в голосе директора послышалось раздражение. – Вспомните, кто заходил в ваш кабинет.

– Видите ли, я недавно работаю в галерее...

– Мне это известно, – заметил Варовский.

– ... и мало кого знаю, – продолжала Полина.

– Нет. – Он забарабанил сухими пальцами по столешнице. – Вы не поняли. Я задал прямой вопрос и жду откровенности.

– Альберт Иванович, я не знаю, куда делся рисунок.

Варовский надел очки и строго взглянул на Полину.

– Кажется, вы не осознаете, что можете потерять не только работу.

– Я ничего не крада, не говорите со мной как с воровкой.

Выдержав долгую паузу, Варовский поднялся со стула:

– Надеюсь, никто не упрекнет меня в том, что я не хотел вам помочь.

В эту минуту раздался стук, и в кабинет заглянул начальник службы безопасности:

– Альберт Иванович...

– Что?

– Здесь из прокуратуры.

Варовский обернулся и развел руками:

– Ну, вот. – Он открыл дверь справа и сказал, обращаясь к Полине, но не глядя ей в глаза: – Пройдите в соседнюю комнату. Когда будет нужно, вас пригласят.

Полина молча вошла в дверь, и та за ней затворилась. Варовский обернулся:

– Прошу.

Вслед за Юрием Николаевичем в кабинете появился мужчина лет сорока, крепкого телосложения, по-спортивному подобранный.

Варовский посмотрел на него с недоверием.

– Позвольте ваше удостоверение.

Мужчина усмехнулся, достал из кармана «корочки». Варовский взял их, прошел к столу, опустился в кресло. В следующие пять минут он старательно переписывал данные удостоверения в свой блокнот.

Не дождавшись приглашения, следователь сел. Варовский поднял глаза и будто нехотя вернул ему удостоверение.

– Альберт Иванович Варовский, директор галереи, – с достоинством представился он.

– Старший следователь по особо важным делам Следственного комитета. Фамилию вы только что записали. Не будем терять времени. Что случилось?

– Полгода назад в нашу галерею доставили чемодан. Его нашли на чердаке старого дома. В чемодане лежало несколько десятков акварельных рисунков. В соответствии с регламентом их передали в отдел экспертиз. Этим утром выяснилось, что один из рисунков пропал. Из-за преступной халатности сотрудницы мы потеряли большую ценность.

– Вы считаете, что она украла рисунок?

– Уверен. На службу поступила недавно. Это был ее первый проект. В случайности я не верю.

– Что еще подтверждает ее вину?

Варовский нетерпеливо забарабанил пальцами по столу.

– Видите ли... Пропал рисунок Малевича.

Следователь напрягся и уточнил:

– Того самого?..

– Да. Всем известна его картина «Черный квадрат». Теперь вы понимаете, сколько может стоить такой раритет. Это позорное пятно на репутации галереи. Придется проводить тотальную инвентаризацию фондов.

– Где сейчас виновница происшедшего?

– В соседней комнате.

– Пригласите.

Режимник открыл дверь:

– Пройдите. Вас ожидают.

Увидев следователя, Полина застыла в дверях. На ее лице отобразилось крайнее удивление, похожее на испуг.

В этот момент у начальника службы безопасности зазвонил телефон.

– Да... – тихо сказал он и тут же воскликнул: – Что-о-о?! Как вы могли? Не делайте из нас дураков! При чем здесь «Человек в сером»?

– Что? – поинтересовался Варовский. – Что еще там случилось?

Юрий Николаевич прикрыл трубку рукой:

– Малевича обнаружили. Он лежал в другом отделении той самой папки.

– Ничего не понимаю...

– Рисунки поменяли местами. Пропал «Человек в сером на фоне гор».

– Какой человек? При чем здесь горы?! – Варовский сцепил руки и хрустнул пальцами. – Немедленно объясните!

– «Человек в сером на фоне гор» – акварель неизвестного художника, – сказала Полина. – Этот рисунок тоже из чемодана.

– Малевич на месте. – Юрий Николаевич отключил телефон и сунул его в карман. – Слава богу, все закончено.

– Обращаю ваше внимание, – сухо заметил Варовский и стал поочередно с хрустом выдергивать палец за пальцем, будто вправляя. – Утерян... другой... рисунок.

– Он ничего не стоит. Его даже фонды к себе не взяли.

Альберт Иванович насупился:

– Не ваше дело давать работам оценки. Ваше дело их охранять.

– Извиняюсь. – Начальник службы безопасности виновато потупился.

– Обойдемся без ваших извинений. – Варовский кивнул следователю: – Приступайте к допросу.

– Зачем? – удивился тот.

– В стенах галереи совершено преступление. Не мне вас учить.

– Постойте. – Следователь припечатал рукой столешницу. – Насколько я понял, пропавший рисунок не представляет никакой ценности. По этой причине его не приняли в фонды, а значит, он не является чьей-либо собственностью.

На мгновение Варовский замешкался, потом с сарказмом заметил:

– Еще один эксперт объявился.

Следователь встал, подошел к Полине, взял ее за руку и повел к выходу.

– Вы не можете так уйти! – окликнул его Варовский.

– Могу. Завтра к вам зайдет участковый. – Следователь усмехнулся. – К тому же я не вправе допрашивать гражданку Свирскую.

– Почему? – удивился Альберт Иванович и затем изумился: – Откуда вам известна фамилия Полины Сергеевны? Куда вы ее тащите?..

– Домой.

– По какому праву?..

Следователь обернулся:

– Полина Сергеевна – моя жена.

Вскочив с кресла, Варовский развел руками:

– Ваша фамилия Дуло, я сам только что записал.

– Дуло. Сергей Васильевич.

– А фамилия Полины Сергеевны – Свирская.

В разговор вмешалась Полина. Будто извиняясь, она сообщила:

– При регистрации брака я оставила девичью фамилию.

– Непостижимо. – Альберт Иванович рухнул в кресло. Выглядел он растерянным, но уже через мгновение на его тонких губах появилась улыбка. – Конечно-конечно... Теперь пони-

маю, – он коротко взглянул на Полину. – Вы сами позвонили мужу, когда все обнаружилось, поэтому на вызов приехал именно он.

Она открыла рот, чтобы возразить, но решительный взгляд Сергея велел ей молчать.

– Не стоит все усложнять. – Дуло повернулся к Варовскому. – Сегодня – мое дежурство, Полина здесь ни при чем. – Он вышел из кабинета вслед за женой. – Нужно собрать вещи, – сказал уже в коридоре. – И пиши заявление.

– Уволиться? – Замедлив шаг, Полина остановилась. – Чтобы все поверили в то, что я украла рисунок? – На ее лице появились красные пятна. – Никогда.

Дуло тоже остановился.

– Зачем тебе это? – Он сунул руки в карманы и продолжил, глядя в сторону: – Зачем? Ведь ясно – не получилось.

– Не я украла этот рисунок, – упрямо повторила Полина.

– Об этом знаешь ты. Знаю я. – Сергей сделал широкий жест. – Но они так не считают. Чего же ты хочешь? Доказывать свою невиновность всем и каждому?

Полина переждала, пока мимо пройдет сотрудник музея.

– Пойми, я не могу уйти просто так, – прошептала она. – Уйти – значит признать свою вину. Уволиться сейчас – значит уйти воровкой.

Полина подняла глаза, и Сергей увидел, что слезы близко. Он обнял ее.

– Хорошо. Идем к тебе, там и поговорим...

Сергей уселся на край стола и стал следить за тем, как Полина бесцельно бродит по кабинету.

– Почему ты не позвонила мне?

– Даже в голову не пришло.

– Глупо.

– Мой звонок ничего бы не изменил.

– Глупо...

– Почему – он? – Полина остановилась.

– Кто? – спросил Сергей.

– Почему именно «Человек в сером»? Автор – неизвестный художник. Ценности никакой. Трудно предположить, что вор страдал кретинизмом.

– Пришел за Малевичем, а взял то, что понравилось? – усмехнулся Сергей. – Что под руку подвернулось.

– Именно... – Полина присела рядом. – Меня терзает мысль: может быть, я ошиблась и рисунок чего-то стоит? Творчество вообще сложно судить. Все субъективно. Идея, чувство, мысль, техника... Я много времени потратила на эту акварель. Композиция кривовата, выписана небрежно. Сидит себе человек на мосту, свесив ноги. Мост: четыре опоры, сложенные из слоистых камней. Ржавая вода, травка зеленая, позади – гора, покрытая лесом. Много воздуха, есть безмятежность. И все. Почему именно он?

– Когда ты видела рисунок в последний раз?

– Вчера вечером.

– Папка была в твоём кабинете?

– Да. В сейфе.

– Ключи?

– Лежали в столе. Идиотка... – Полина уткнулась в плечо Сергея. – Нелепая ситуация: рисунок Малевича цел, а «Человека в сером» украли.

– Он что-то знал о нем, – серьезно сказал Дуло, потом улыбнулся: – Шучу.

Полина подняла голову и растерянно заглянула ему в лицо.

– Извини. – Сергей обнял жену. – Действительно дурацкая история.

- Мне так хотелось здесь работать...
- Ничего. Найдем что-нибудь получше.
- Все лучшее – здесь. – Полина снова уткнулась в его плечо. – Я не хочу бежать как воровка.
- Ну-ну... – Сергей легонько ее встряхнул. – Тебя никто так не называл. Она шмыгнула носом.
- Варовский...
- Дуло отстранил Полину и недоверчиво посмотрел ей в глаза. Потом рассмеялся:
- Подслушивала?! Под дверью? – Он хлопнул себя по колену. – Узнаю свою женушку!
- А ты хотел, чтобы я вела себя как овца в загоне?
- Ну, это не про тебя... Можешь показать, где лежал ключ от сейфа?
- Он и сейчас там лежит. – Полина выдвинула ящик стола.
- Ящик не замыкается?
- Зачем?
- В этом есть определенный резон. Как и в том, чтобы не оставлять ключи где попало. – Сергей произнес эти слова безо всякого выражения, одновременно осматривая содержимое ящика. – Когда ты пришла сегодня утром, ничего особенного не заметила?
- Сущую мелочь. У меня украли рисунок, – огрызнулась Полина.
- Молодец. Язвишь, значит, пришла в себя. – Он вынул ящик, осмотрел и снова вставил на место. Потом заглянул под стол и что-то поднял с пола. – Твое?
- Что это? – Полина приблизилась.
- Какая-то бабская фигня, – сказал Сергей, однако, наткнувшись на ее взгляд, поправился: – Дамская.
- Это жемчужина. Здесь отверстие под нитку.
- Твоя? – снова спросил он.
- Нет. Откуда у меня натуральный жемчуг?..
- Не прибедняйся.
- Нет, не моя.
- Тогда чья? – Сергей смотрел на жемчужину.
- Не знаю.
- Кто к тебе вчера заходил?
- Почему именно вчера? Жемчужина могла здесь появиться когда угодно.
- Нет, не могла.
- Почему? – опять спросила Полина.
- В твоём кабинете ковровое покрытие. Наверняка его пылесосят. Окажись она здесь раньше, валяться бы ей в мешке с пылью. Кстати, сегодня не убрали?
- Нет. Уборщица приходит в конце дня.
- Тогда вспоминай, кто приходил вчера после уборщицы.
- Саму уборщицу в расчет не берем? – спросила Полина.
- Только если у нее богатый любовник.
- Очень смешно... – Она пожала плечами. – Я не помню, чтобы в моем кабинете у кого-то рассыпалось жемчужное ожерелье.
- Подожди-ка, – Сергей предупреждающе поднял руку, другой достал из кармана мобильник. – Да. Здравствуйте, Геннадий Петрович. – Выслушав, быстро сказал Полине: – Мне нужно ехать. – Он взял со стола стикер, свернул из него кулек и положил туда бусину. – Сохрани. Вообще постарайся ничего здесь не трогать. Сегодня пришлю человека, он все осмотрит – может быть, что-то найдет. Дома договорим.

Глава 3

Вызов поступил в восемь утра

Сергей Дуло не находил себе оправдания.

«Замороченный сукин сын... – ругал он себя. – Ничему тебя жизнь не учит. Наделал много ошибок. Хватит. Встретил женщину, полюбил – живи как все. Радуйся, уделяй ей внимание, живи ее интересами».

Будь он хорошим мужем, то при первом же упоминании о рисунке Малевича понял бы: в воровстве обвиняют его жену. «Она так хотела, чтобы все у нее получилось...» – думал Сергей.

После того как кризис отнял у Полины маленький магазин кукол, она стала безработной. Сидеть дома ей не хотелось. Знакомый художник устроил ее в галерею.

По вечерам Полина рассказывала о своих наблюдениях, открытиях, планах. А он слушал, думая о своей работе, потому что в условиях кризиса ее только прибавилось.

Особой темой была мечта о ребенке. Полина все чаще заговаривала об этом, но Сергею не хотелось вникать в подробности, мыслями он снова возвращался к работе.

– Эгоистичная сволочь... – слова, адресованные самому себе, слетели с губ Сергея, когда он открыл дверь, за которой его ждали.

Все обернулись.

– Что тут у вас? – громко спросил Дуло, показывая удостоверение одновременно всем и никому конкретно.

– Наконец-то... – Человек в форме протянул руку. – Следователь Киреев. – Пожав руку Сергея, он указал на дверь: – Кажется, убийство. Убитый – гражданин Чили Мишель Пиньера.

– Посмотрим... – Дуло прошел в спальню.

Посреди комнаты на полу лежал мертвый мужчина. Сергея удивила скрюченная поза убитого.

– Что с ним произошло?

– Пока не знаю. Вызов поступил в восемь утра. Труп обнаружила горничная, – следователь окликнул криминалиста, который сидел за столом и что-то писал. Тот снял перчатки и бросил их в чемодан.

– Здравствуй, Сергей. Тебе уже сообщили...

– Здорово, Тимофеев. Яковлев позвонил.

– Геннадий Петрович? Почему сам начальник следственного отдела?

– Не знаю. Думал, ты мне объяснишь. Что скажешь? – спросил у него Дуло.

– Точная причина смерти пока не ясна. Когда прибыли медики, пульс уже не прослушивался. Верхняя часть тела была еще теплой. Однако сердечную деятельность аппарат не выявил. Мероприятия по оживлению оказались бессмысленными.

– Откуда такая странная поза? – Сергей склонился к трупу. Увидев морщинистое лицо и руки, покрытые темными бляшками, протянул: – Э-э-э... Да он – глубокий старик... Как же умудрился так скрючиться?

Вопрос его остался без ответа. Обступив тело, все молча его рассматривали. На вид мужчине было лет семьдесят пять. Высокий и худой, сейчас он занимал небольшое пространство. Лицо будто окаменело, в уголках губ застыла темная жидкость.

– Что у него на губах? – спросил Дуло.

– Похоже на рвотную массу. Точнее узнаем после анализа.

Сергей дотронулся до рубашки убитого:

– Влажная...

Внезапно раздался шипящий звук, из ноздрей старика вытекла желтоватая пена.

Сергей резко отпрянул.

– Ненавижу все это, – пробормотал он и, достав сигарету, закурил. – Номер осмотрел?

– Ничего особенного. Множество отпечатков, придется дактилоскопировать весь персонал. Будет ли толк? – Криминалист почесал лысину и сам ответил на свой вопрос: – Думаю, вряд ли.

– Из вещей ничего не пропало?

– Насчет пропажи вещей – никто точно не знает. Кредитки и деньги – в бумажнике. Бумажник – во внутреннем кармане пиджака. Пиджак аккуратно повешен в шкаф. Что еще?.. Часы – недешевые, как видишь, остались на руке. Словом, на ограбление не похоже.

– Мобильник?

– Не нашли.

– Да-а-а... – Сергей прошелся по комнате и остановился возле погибшего. – Задал ты нам, дедуля, задачу. – Склонив голову, он взгляделся в лицо старика. – Что-то не похож он на латиноамериканца...

– В его годы уже никто не похож на латиноамериканца, – заметил криминалист Тимофеев. – Все как один седые и морщинистые.

– Я не про волосы. Слишком высокий рост и светлая кожа.

Тимофеев склонил голову набок, изучая мертвое тело.

– А черт его знает. По паспорту – гражданин Чили. И вот еще что, – продолжил криминалист. – Здесь, – он открыл ящик для хранения багажа, – обнаружены следы жидкости. Думаю, какое-то время старик провел в этом ящике. Возможно, его рвало.

– Как он там оказался? – Дуло измерил взглядом глубину ящика, затем посмотрел на мертвеца. – И главное – зачем?

Следователь показал на крышку:

– Здесь есть ключ.

– Похоже, его кто-то запер, а потом вытащил. – Сергей присел на корточки, рассматривая лужу на дне ящика.

– Судя по тому, что ноги трупа заостенели в согнутом положении, все так и было, – заметил криминалист. – На коже лица есть точечные кровоизлияния, их обычно вызывает удушье. Ему не хватало воздуха. О том же свидетельствует пена, идущая из носа и рта. Интересно, сколько времени он там провел?

– В шесть утра старик был еще жив. Сотрудник отдела обслуживания заходил в номер и говорил с погибшим, – заметил следователь Киреев.

– Зачем? – спросил Дуло.

– Шампанское приносил.

– В шесть утра?

– Старик открыл, рассчитался за шампанское и тут же захлопнул дверь.

– Бутылку нашли?

– Нет никакой бутылки.

– Мне необходимо допросить горничную и служащего, что приходил сюда утром. – Дуло подошел к столу, затушил сигарету в пепельнице.

Дверь отворилась, в номер зашла горничная. Дуло выдвинул стул.

– Здравствуйте.

– Старик еще там? – женщина посмотрела в сторону спальни.

– Нет. Увезли, – сказал Сергей.

– Знаете, как я напугалась! Захожу, а он – на полу. – Она села.

Дуло достал блокнот:

- Сделаем так: я буду спрашивать, а вы отвечайте. Идет?
- Как скажете, – кивнула горничная. – Только я вот что хочу сказать...
- Сергей повторил:
- Я спрашиваю, вы отвечаете.
- Ладно.
- В котором часу вы зашли в номер?
- Вообще-то я работаю с шести. Пока уложила тележку, прошла по этажу, с Валею поговорила, она мне сказала, что педант съезжает...
- Как вы его назвали?
- Педант, – повторила горничная.
- Почему педант?
- Это Валентина так его назвала. – Горничная скривилась: – А по мне так он фанатик, прости меня господи...
- За что ж вы его так? – Дуло заинтересованно придвинулся. – Кстати, как вас по имени-отчеству?
- Марина Ивановна.
- А Валентина – кто это?
- Горничная, в правом крыле.
- Расскажите мне, Марина Ивановна... – Дуло заглянул в свой блокнот, – про Пиньеру.
- Чего? – горничная уставилась на следователя.
- Про Мишеля Пиньеру, – терпеливо пояснил он.
- Так звали педанта? – догадалась горничная.
- Точно. Так звали погибшего старика.
- Марина Ивановна придвинулась к столу. Вздыхнув, стала рассказывать:
- Я этого Пиньеру увидела дней двадцать назад, когда он в триста пятый заехал. Я в тот день задержалась с уборкой, а тут он нарисовался в дверях. Заметил меня в номере, да как замахает руками...
- Замашет, – непроизвольно поправил ее Дуло. – Впрочем, неважно, продолжайте.
- ...как замахает руками, дескать, номер не приготовили. – Марина Ивановна поправила кружевную наколку. – Барина из себя корчил.
- Так. – Дуло с трудом сдержался, чтобы не улыбнуться. – Заметили что-нибудь особенное?
- Удивлялася я всегда: как это у него до всего руки доходят. До самых что ни на есть мелочей. Мужик все ж таки, хоть и старик. Вредный, правда, до ужаса...
- Подождите, – прервал ее Дуло. – Вот вы сказали: руки у него до всего доходят. В каком смысле?
- Рубашечки в шкафе – одна к одной. Ботиночки – ровненько в ряд. Причешется, бывало, волосок к волоску. На пиджаке – ни пылинки. Ногти на руках наманикюрены. Словом, фанатик. Или как его там... Педант. Не дай бог, пасту зубную перекладу во время уборки, так он тут же вызовет да такую рожу скривит, что и выразить трудно. И ну выговаривать мне по-своему, по-английски.
- По-английски?
- А может, по-своему. Слово у него одно было, будто змея шипит. Арш-ш-ш. Он его всегда повторял, когда злился.
- От вас не требуют знания языков? – поинтересовался Дуло.
- Требуют.
- И вы не знаете, на каком языке говорил Пиньера?
- На английском, – сказала Марина Ивановна и тут же добавила: – А может, и на своем.
- Ладно. Значит, говорите, педант. Аккуратный, значит, был старичок.

- И жадный до невозможности. Ни копеечки ни разу не дал, как я ни старалась.
- Ага...

Сергей огляделся. Проследив за его взглядом, горничная поинтересовалась:

- Вы тоже заметили?
- Что? – спросил он.

– Здесь все переставлено.

– Переставлено? – Сергей покрутил головой. – Я не знаю, как было раньше.

– А вот поглядите, вазочка, – Марина Ивановна подхватила и подбежала к серванту. – Вазочка стояла не здесь, а там. И справочник телефонный прежде на тумбочке был. Меню ресторанное у телефона лежало. Старик за этим смотрел. – Привычным движением она взяла папку с меню и направилась к письменному столу. – Картина раньше не здесь была, – заметила мимоходом.

– Картина? – спросил у нее Дуло.

– Она, как в триста первом, триста восьмом и триста одиннадцатом, над кроватью висела. – Горничная смахнула с картины пыль. – Что за польза была перевешивать? Свои плюсы, конечно, в этом есть: пыль вытирать легче.

Сергей снял со стены рисунок, покрутил и зачем-то вынул его из рамки. Внутри оказался еще один, заправленный в белое паспарту.

– Божечки... – ахнула Марина Ивановна. – А этот откуда?

Сергей почувствовал в мышцах странное напряжение. Когда природа ощущения стала ясна, достал телефон и набрал номер жены.

– Полина... Нет, ничего не случилось. У меня самый обычный голос. Рисунок, который пропал... Там человек сидит на мосту? Та-а-а-ак... Мост на четырех опорах из слоистых камней? Рыжая речка, позади лесистая гора... Верно? – Выслушав то, что сказала жена, он уточнил: – Рисунок подписан? – Выдержав паузу, Сергей переспросил: – Как?... Буквы «А» и «Н»?

Горничная заинтересованно придвинулась, разглядывая бледную акварель:

– В точности как на этой.

– Вижу, – ответил ей Дуло и перед тем, как нажать отбой, сказал в трубку: – Картинка твоя нашлась.

Глава 4

За рамками

– Стойте! – Секретарша Варовского вскочила со стула и бросилась к двери. – Куда вы?!

Наткнувшись на преграду, Полина решила не сдаваться. Не для того она бежала сюда по длинному коридору на каблуках. Раскрасневшись, отбросила на спину длинные волосы. Огромные глаза сияли решимостью:

– Мне нужно!

– Альберт Иванович занят!

Полина отступила на шаг, прикинувшись, что сдалась. Но как только секретарша расслабилась, тут же дернула дверную ручку. В следующее мгновение она была в кабинете.

Вопреки ее ожиданиям Варовский не удивился, только сказал секретарше, которая забегала следом за Полиной:

– Я просил тебя вызвать Свирскую. Но позже. Впрочем, теперь это не важно.

– Она сама прорвалась... Простите, Альберт Иванович, здесь ваша жена.

Он улыбнулся вошедшей женщине:

– Заходи, Маша, я ненадолго.

Полина приготовилась поздороваться с вошедшей, однако никто не собирался ее представлять.

Жена Варовского была высокого роста, никак не меньше метра восьмидесяти. На плоском бледном лице не было ни грамма косметики. Вылинявшие глаза, невыразительный носик. Шифоновая блузка белого цвета и юбка из джинсовой ткани – чуть старомодные. Между тем лет ей, похоже, было не более тридцати.

У Полины возникло чувство враждебного возбуждения, как у собаки, когда на загривке встает шерсть.

«Что именно в ее облике меня раздражает? – мысленно спросила она себя и тут же ответила: – Все».

Варовский проводил жену до кресла. Она нежно проворковала:

– Спасибо, милый...

Полина была уверена, что ее тихий голос звучал ласково только для мужа. Для всех остальных он был наверняка по-иному окрашен.

Варовский взял чистый лист и положил на стол перед Полиной.

– Садитесь, пишите.

– Что писать?

– Заявление об увольнении.

– Альберт Иванович, выслушайте меня.

– От того, что вы скажете, ничего не изменится.

– Пожалуйста! – взмолилась Полина.

– Ну, хорошо.

– Мне только что позвонил муж. Рисунок нашелся!

Варовский, протестуя, выставил перед собою ладонь:

– Немедленно прекратите. Как вы не понимаете, все это выходит за рамки дозволенного. Сегодня утром вы не знали, куда делся рисунок, а после обеда ваш супруг находит его. – Он прищурился. – Не у вас ли дома он отыскан?

Побледнев, Полина ответила сдержанно:

– Мне не известно, при каких обстоятельствах нашелся рисунок.

– Святая простота...

Она отодвинула лист бумаги:

– Я не стану писать заявление!

– Подите отсюда вон, – сказал Варовский громовым голосом.

Полина пошла к двери, а он продолжал говорить ей в спину:

– Неделю назад в архиве выявлена подмена рисунка второй половины девятнадцатого века. Его вы тоже отыщете в своем доме?

Она обернулась:

– Что?

Альберт Иванович махнул рукой:

– Идите!

Полина перевела взгляд на его жену, рассчитывая найти поддержку или, по крайней мере, сочувствие. Варовская смотрела на нее пустым, безразличным взглядом, как на предмет мебели.

– Подожди, пожалуйста, подожди... – Рита Беленькая бежала по лестнице вслед за Полиной.

Та обернулась:

– Не заметила тебя. Извини.

– Здорова же ты бегать... – Рита была на голову ниже подруги. Темные волосы, короткая, как у мальчика, стрижка. На лице – яркий румянец. Было видно, что погоня ей далась нелегко. – Кириченко рассказал про подмену еще одного рисунка. Как быстро на тебя повесили всех дохлых собак.

– Кириченко? Тот озабоченный, кривоногий? – спросила Полина.

– Для начала, пожалуйста, успокойся. – Рита взяла ее под руку и повела вверх по лестнице. – Нужно все обсудить.

Когда зашли в кабинет, Полина сказала:

– Сейчас я видела жену Варовского.

– Маруху? И как она?

– Уверена в своей исключительности.

– Еще бы... В двадцать семь лет заиметь двоих детей и мужа-миллионера.

– Двоих?

– Второй был вроде контрольного выстрела, – усмехнулась Рита. – До его рождения все были уверены, что Варовский вернется к первой жене. Но он после рождения сына женился на Марухе. Дальше пошло как по писаному: сначала маленькая вилла в Болгарии, потом большая в Ницце. И заметь: все оформлено на нее.

– Ты откуда это знаешь?

– Она работала у нас в юридическом. Серая мышь. Ни грамма косметики. Вся из себя натуральная. Голос тихий, как дуновение ветра. Противный до тошноты. Подлая серая мышь. Доносила, наушничала, фискалила. Короче – Маруха. – Рита на мгновение задумалась, потом скосила глаза на Полину: – Думаешь, я завидую? – Она затрясла головой. – Не-е-ет.

– Да и черт с ней, – Полина прошла к столу, взяла из ящика ключ, отомкнула сейф, распахнула дверцу и молча уставилась в его пустое нутро. – Сегодня здесь был Сергей. Спрашивал, кто заходил ко мне в кабинет вчера вечером.

– Что ты ответила?

Полина повернулась к подруге:

– Никто. То же самое сказала Варовскому.

– Но ведь это неправда.

– Я знаю.

– Зачем же ты соврала?

– Если бы я рассказала, что оставила тебя в своем кабинете, а рисунки лежали в распахнутом сейфе... – Полина замолчала.

– Господи... Какая я дура, – промолвила Рита.

– Дура не ты, а я. И оттого, что я дура, другие страдать не должны.

Рита закрыла лицо ладонями:

– Угроздило меня явиться сюда вчера, да еще в самом конце дня. Если об этом узнают...

– Не узнают, – сказала Полина.

– Я же видела их в сейфе...

– Видеть – не значит красть. Ко мне вчера еще кое-кто заходил.

– Кто?

– Елена Феликсовна.

– Еремкина?

– Мерзкая особа. Я так и не поняла, зачем она притащилась. Язык как помело, и все не по делу.

– Мы принимаем ее как данность. Только и делает, что шляется по кабинетам и собирает сплетни.

– Почему? – удивилась Полина.

– Исторически так сложилось, она обо всем докладывает Варовскому. Это – во-первых. А во-вторых, она любовница Кириченко.

– Ты серьезно?

– Про то, что докладывает? – спросила Рита.

– Про то, что любовница.

– Об этом все знают.

– Да ей же лет шестьдесят...

– Шестьдесят семь, если быть точной. Давным-давно, когда пришел Кириченко, Еремкину взяли в нагрузку. Даже должность для нее изобрели – консультант. Говорят, в счет прежних заслуг Кириченко ее повсюду с собой таскает.

– Ужас какой... Ему-то лет сорок пять, не больше.

– Сорок девять.

– Зачем ему нужна такая окаменелость?

– Ты про Еремкину? Говорю же: из-за прошлых заслуг держит. Видать, еще та была зажигалка...

Полина в недоумении пожала плечами.

– А сам Кириченко зам по науке?

– По общим вопросам.

У Полины от удивления округлились глаза.

– Что-о-о?

– Завхоз.

Полина усмехнулась:

– Сегодня утром он встретил меня в коридоре и поинтересовался судьбой рисунков. С чего бы это?

– А ты думаешь, его только тряпки да мыло интересуют? Он в кабинет к Варовскому как к себе домой заходит.

– И что это значит?

– Это значит, что у них есть общие интересы.

– Тряпки и мыло? – спросила Полина. – Ты же сама говорила, что Варовский – миллионер.

– Варовский – настоящий миллионер. Для таких даже тряпки с мылом лишними не бывают.

В дверь постучали.

– Можно? – В кабинет заглянул человек с металлическим чемоданом.

– Вы кто? – спросила Полина.

– Капитан Тимофеев. Криминалист. Меня следователь Дуло сюда направил.

– Я пойду? – Не дожидаясь ответа, Рита выскочила за дверь.

– Да, конечно... – сказала Полина.

– Да, конечно – значит, можно войти? Или это не мне? – спросил Тимофеев.

– Прошу вас, входите. Располагайтесь.

Криминалист поставил свой чемодан, открыл его и достал оттуда резиновые перчатки.

– Я готов. Что тут у вас?

Глава 5

В отеле «Рикс»

- С горничной закончили? – следователь Киреев многозначительно взглянул на часы.
- Зовите официанта, – сказал ему Дуло.
- Здесь неувязка. Ночью дежурил некто Ягупов. В восемь его сменили, и он уехал. Пробовали звонить – не берет трубку.
- Когда у него следующее дежурство?
- Завтра в восемь утра.
- Это плохо.
- А что я могу сделать? – развел руками Киреев и вновь посмотрел на часы.
- Кстати. Я вас не держу. Идите куда надо, – сказал Сергей.
- Справитесь без меня? – Киреев надел фуражку.
- Справлюсь. Ягупова допрошу завтра, а сегодня поговорю с портье.
- Тот, что дежурил ночью, тоже сменился, – сообщил Киреев, продвигаясь к двери.
- Пиньера прожил в гостинице двадцать дней. Его все портье должны знать.
- Я могу идти? – не сдержавшись, спросил Киреев.
- Конечно, я же сказал. – За секунду до того, как закрылась дверь, Сергей воскликнул: – Совсем забыл! Я тут картинку нашел под постером...
- На лице Киреева появилась улыбка:
- Теперь это ваше дело. Главное – внести ее в протокол.

Спустившись на первый этаж, Сергей стал свидетелем небольшой заварушки. Портье держал оборону и, не поднимая глаз, повторял монотонным голосом:

- В счет включена стоимость разбитого ночника, оконного стекла и услуги химчистки.
- С какого перепугу я должен платить за химчистку?

Последнее сказал парень в зеленой футболке. Лица его Дуло не видел, но хорошо рассмотрел спину, на которой во всей красе развернулся лист конопли.

– Вы испачкали ковер. Его повезут в химчистку. Если быть точным, вы и ваши друзья облили все в номере шампанским, а на ковер, пардон, помочились.

Рядом с парнем в «конопляной» майке стояли еще трое, среди них была девушка. При слове «помочились» они дружно заржали.

– Какое шампанское?! – возмутился «зеленый». – Мы заказали в пять, а его принесли в половине седьмого, когда все уже спали.

- Обслуживание номеров – это отдельная тема. Мы говорим про нанесенный ущерб.
- Сколько? – мрачно спросил постоялец в зеленой майке.
- Пятнадцать тысяч пятьсот восемьдесят два рубля.
- Да вы совсем охренели! Всего одна ночь!
- Пятнадцать тысяч пятьсот восемьдесят два рубля, – повторил портье.

Парень обернулся к друзьям, но по их лицам понял: ни у кого денег нет. Он вытащил из кармана свернутые купюры.

- Вот все, что есть.

Портье пересчитал деньги, затем поднял руку и кого-то позвал. К стойке подошли трое мужчин в строгих костюмах.

- Идемте...
- И я тоже? – спросила девушка.
- Идут все, – сказал старший и, раскинув руки, стал сгонять компанию в кучу.

Дуло приблизился к стойке.

– Могу чем-то помочь? – спросил у него портье.

Вместо ответа Сергей показал удостоверение.

– Ясно. Насчет убитого старика? – уточнил портье.

– Есть вопросы.

– Здесь будем говорить или отойдем в сторону?

– Отойдем, – сказал Дуло.

Спустя минуту оба сидели в фойе в креслах друг против друга.

Сергей достал блокнот.

– Ваше имя, фамилия, должность.

– Кирбик Эдуард Васильевич, старший администратор.

– Расскажите все, что знаете про Мишеля Пиньеру.

Портье заговорил ровно и безэмоционально:

– Заехал он по брони. Первого июня сего года. Номер бронировал через Интернет. Гражданин Чили. Есть копии брони и его паспорта. Жил тихо. В номер никого не водил. Если с кем-то встречался, то здесь, в фойе. Видел его пару раз с парнем лет тридцати. Последний раз – вчера вечером.

– Парня запомнили?

– Нет. Видел его сидящим и со спины.

– С самим Пиньером вы говорили?

– Только один раз.

– О чем?

– Он жаловался на горничную. Плохо в номере прибрала.

– На каком языке?

– На английском. – Кирбик почесал в голове. – Хотя вспомнил. По-английски он говорил плохо, все время сбивался на...

– Испанский? – подсказал Дуло.

– Немецкий, – закончил фразу Кирбик.

– Уверены? – спросил Дуло.

– Абсолютно. Я говорю на пяти языках. В том числе на немецком и на испанском. По-английски он говорил плохо. По-немецки – намного лучше.

– Насколько мне известно, государственный язык Чили – испанский.

– В этом вы правы. Все, кто приезжает из Чили, говорят по-испански.

Сергей перелистнул блокнот на одну страничку назад.

– Значит, пять языков знаете? Как можно перевести слово «арш»?

Кирбик закашлялся.

– Знаете? – снова спросил Дуло.

– Задница.

– Что?

– Arsch – в переводе с немецкого значит «задница». Это ругательство. Если произнесете это слово в общественном месте где-то в Берлине, заплатите штраф двести евро.

– Неужели?

– Это правда. – Кирбик вытянул шею, прислушиваясь к тому, что происходит у стойки. – Не возражаете, если я помогу коллеге? Кажется, там проблема.

Сергей встал с кресла:

– Если будут вопросы, я позвоню. Скажите, где тут отдел обслуживания номеров?

– В ресторане.

– И еще: в каком номере жил тот парень, что с вами ругался?

– В триста седьмом.

- Сосед нашего старика?
- Только на одну ночь снял.
- Именно эта ночь меня интересует.
- Задержанные сейчас в службе безопасности. Второй этаж. Офис два двенадцать.
- Сергей Дуло протянул портфель визитку.
- Что-нибудь вспомните – звоните.

- Вам кого?
- Начальник отдела безопасности нужен. – Сергей показал удостоверение.
- Парень в костюме протянул ему руку.
- Здравствуйте! Что ж... Не смогли убийства предотвратить – ждем, когда наваляют.
- Дуло пожал его руку.

- Где начальник?
- В своем кабинете, с мажорами разбирается.
- Хотелось бы поучаствовать, – сказал Дуло. – Когда убивали старика, они были в соседнем номере.

- Подождите, – охранник вышел и через минуту вернулся. – Идем!

Они пересекли коридор и вошли в такую же дверь напротив.

- Здравствуйте! Вадим Иванов, начальник службы безопасности отеля. – Хозяин кабинета встал, через стол пожал руку Сергея и указал на стул: – Садитесь. Задержанные в вашем распоряжении.

Вся компания вместе с «зеленым» была здесь. Они стояли в ряд у окна.

- Могу задавать вопросы? – спросил Сергей.

– Прошу, – сказал Иванов.

- Кто у них за старшего?

– Эдвард Кочарян. Тот, в зеленой футболке.

- Приезжий? – спросил Дуло.

– Москвич, – ответил сам Кочарян.

- Зачем снимал гостиничный номер?

– День рождения отмечал.

Дуло обернулся на Иванова. Тот кивнул.

- Точно. По паспорту проверял.

Сергей снова спросил Кочаряна:

- Вас было четверо?

Эдвард неопределенно пожал плечами.

- Человек двадцать. Одни уходили, другие приходили.

– До двенадцати ночи душу мотали, – сказал охранник. – Табуном носились туда-сюда.

- А что было после двенадцати?

– После двенадцати дверь в отель закрыли.

Дуло вновь обратился к Эдварду:

- Сколько людей осталось в номере на ночь?

– Четверо. – Эдвард Кочарян перечислил всех, поочередно указывая на каждого пальцем: – Анри... Жанетта... Эрик. Да, еще Фил, но он под утро ушел.

– Эрики-Херики... – чертыхнулся Иванов. – Город перепутали и страну. – Он схватил со стола копии паспортов и потряс ими в воздухе. – Самое смешное, и по документам – Жанетты и Херики.

– Не суть важно, – заметил Сергей и спросил Эдварда: – В соседнем номере знаете, что случилось?

- Слышал, там старика убили.

- Что-нибудь можете рассказать?
- О чем?
- О старике. Что видели, кто к нему приходил? Может, что-то слышали.
- Да он сам к нам приходил.
- Сergeй сунул руки в карманы и подошел ближе.
- Рассказывайте.
- В дверь стучал, ругался, что не может уснуть.
- На каком языке ругался?
- На английском. Но он точно не англичанин.
- Откуда вы это знаете? – спросил Дуло.
- Смеетесь? Я с семи лет живу в Лондоне.
- Начальник службы безопасности оживился:
- Мажоры на гастролях! Я думал – армяне, ан нет – англичане, тудыть вашу в качель.
- Что же тебе папа денег на днюху не дал?
- Дуло жестом попросил его успокоиться и продолжил допрос:
- Во сколько он приходил?
- Старик? – Эдвард покосился на Иванова. – В первый раз часов в десять вечера. Во второй – сразу после того, как закрыли дверь в отель.
- Как он выглядел?
- Костистый такой, худой. И злой, как койот.
- Иванов прыснул в кулак:
- Собака для сравнения не подходит. Не по-английски...
- Во что он был одет? – продолжал Дуло.
- Сначала в пижаме и в халате. В последний раз – в темном пиджаке, рубашке и голубых джинсах.
- Пришел в пиджаке сказать, что мешаете спать?
- Да...
- И все?
- В каком смысле?
- Больше вам сказать нечего? – Дуло оглядел остальных.
- Да они до сих пор обкуренные! – Иванов обвел компанию выразительным жестом. В его руке все еще были зажаты ксерокопии паспортов.
- А что это за история с шампанским? – спросил Сергей.
- Эдвард снова пожал плечами:
- Около шести я позвонил в бар – заказал бутылку шампанского. Час прошел – шампанского нету. Второй... Снова звоню. Говорят, давно отнесли. Я, конечно, обдолбанный, – он осекся, – но чтобы забыть, что приносили шампанское... Короче, заказал еще раз. Часов в семь утра принесли. Только тогда все уже спали.
- Интересно... – Дуло обратился к начальнику службы безопасности: – Можем поговорить где-нибудь?
- Пошли, – сказал Иванов и первым вышел за дверь.
- В коридоре Сергей спросил:
- Как организована система видеонаблюдения?
- Нормально организована, меняем оборудование.
- Что значит меняете?
- В настоящий момент идет реконструкция всей системы видеонаблюдения. Действующих камер осталось мало. Пишут всего три: в вестибюле, у буфета и на лестнице между третьим и четвертым этажом. Можно посмотреть записи.
- Я заметил камеры на третьем, возле номера триста пять, и на главном входе.

- Ни та, ни другая не подключены. По договору – через неделю все работы закончат.
- Руки бы оборвать... – ругнулся Сергей.
- Система поизносилась, камеры старые... – Иванов повел головой, будто его душил галстук. – Кто знал, что именно в это время случится убийство?
- Сергей рассеянно похлопал его по плечу:
- Прости, это я так... Нужно посмотреть записи в вестибюле. Вчерашние, с шести вечера – до полуночи.
- Сделаем.
- Дуло протянул руку, прощаясь.
- Позже зайду, ты все приготовь.

Глава 6

А жемчуг-то натуральный

Внутренний двор галереи ничем не отличался от беспородных дворов заштатных учреждений. Смотреть было не на что, а пришлось.

Ящики из неструганых досок, щиты, обшитые оргалитом, бочка с рифленным боком. При виде этого убожества и мысли не возникало, что двор принадлежал старинному помпезному зданию.

Полина стояла у окна, заставляя себя смотреть на жалкие атрибуты хозяйственной деятельности, пока криминалист Тимофеев проверял ее кабинет. В некоторые моменты, когда он лез под стол или скрипел дверцей сейфа, ей хотелось обернуться. Но она продолжала глядеть в окно.

– Кажется, все.

Полина с облегчением повернулась и прошла к столу, на котором стоял его чемодан.

– Я должна вам отдать то, что Сергей нашел под столом.

– Когда? – спросил Тимофеев.

– Утром.

Он взял у Полины кулек, раскрыл и заглянул внутрь.

– А жемчуг-то натуральный.

– Знаю...

Он достал из чемодана прозрачный пакет, в котором лежали еще три жемчужины.

– Такие же, – голос Полины прозвучал так, будто она сомневалась в том, что сказала. – Откуда?

– С пола. Как я понимаю, не ваши. Приобщим. – Криминалист кинул жемчужину в прозрачный пакет. – У кого-то рассыпалось ожерелье. Не знаете, у кого?

– Не знаю.

– Ну, если не знаете, придется нам поработать. – Тимофеев швырнул пакет в чемодан. – Осталось только снять ваши пальчики.

– Понимаю.

– Присядьте, так будет удобней.

Полина села и положила руки на стол. В тот самый момент, когда Тимофеев делал оттиски с ее пальцев, дверь открылась и в кабинет заглянула дама с маленьким пучком на макушке.

Полина и криминалист обернулись. Застыв, они молча смотрели на даму.

– Не помешала?

– Здравствуйте, Елена Феликсовна, – сказала Полина.

– Здравствуйте. – Еремкина перевела взгляд на Тимофеева. – Простите, не знаю вашего имени...

– Капитан Тимофеев, – он вернулся к своей работе.

Елена Феликсовна вошла в кабинет, обвела его взглядом. Потом зафиксировала внимание на том, что делает Тимофеев.

– Как неприятно...

– Это моя работа.

– Я не о вас, – сказала Еремкина. – Я про Полину Сергеевну. Сочувствую.

Тимофеев выпрямился и смерил Еремкину пристальным взглядом:

– Когда вы были здесь последний раз?

– Вчера, – сообщила она.

– К чему-нибудь прикасались?

– Наверное.

– Мне нужны ваши пальчики.

– Зачем? – спросила Елена Феликсовна.

– Руки давайте, – деловито распорядился криминалист.

Полина поднялась, уступая место Еремкиной. Елена Феликсовна вспыхнула, однако подчинилась приказу: села на стул и одну за другой протянула Тимофееву ладони. Со спины Еремкина походила на ровное бревнышко. Упитанное тельце, со всех сторон круглое.

– Вы что же, у всех отпечатки снимаете? – спросила она.

– У всех, кто заходил к Полине Сергеевне.

– Таких найдете немного... – проронила Елена Феликсовна, и в ее реплике чувствовался подтекст.

– Меньше работы, – сказал Тимофеев, не распознав закодированного посыла.

Полина расшифровала его и зачем-то стала оправдываться:

– Я работаю здесь всего несколько месяцев. – Ей хотелось объяснить, почему она никому не интересна.

Еремкина ехидно улыбнулась. Такие моменты чрезвычайно украшали ее жизнь.

Глава 7

Нестыковки

Время обеда закончилось, но ароматы съеденной пищи еще витали в ресторанном зале. Официанты сидели у окна, обсуждая собаку постояльца, которая, по их мнению, походила на кенгуру. Сергей Дуло взглянул в окно. На самом деле это была длинношерстная немецкая овчарка. Кобель поднял лапу и пометил тую на зеленом газоне.

– С кем можно поговорить из отдела обслуживания? – спросил Сергей.

Официанты вскочили и начали собирать со столов несвежие скатерти. Кто-то указал на дверь за стойкой буфета.

Сергей обогнул стойку и вошел в обитую тканью дверь.

– Здравствуйте! – поздоровался он наугад, однако, оглядевшись, понял, что в кабинете один.

За стеной гудел вентилятор, разнося запах ванили. Шеф-повар готовил десерт.

– Вы ко мне?

Сергей обернулся, оказавшись нос к носу с человеком среднего роста. Тот резко отпрянул.

– Мне нужен руководитель отдела обслуживания номеров.

– Это я.

– Следователь Дуло. – Сергей полез в карман за удостоверением.

– Обойдемся без формальностей, – остановил его мужчина. – Вас и без того все здесь знают.

– Вот как?

– И боятся...

– И в мыслях не было...

– Чего?

– Кого-то пугать.

– Русаков, – представился хозяин кабинета.

– Будем знакомы.

– Да не приведи господи... – Русаков спохватился: – Простите, к слову пришлось. Есть вопросы?

– Только два: что заказывал постоялец из триста пятого и когда я могу встретиться с Ягуповым?

– Олег Ягупов заступает завтра в восемь утра. А насчет триста пятого сейчас поглядим... – Русаков подошел к компьютеру и пошевелил мышкой. – Та-а-ак... Триста пятый... – Он поднял глаза. – Ничего.

– В каком смысле?

– Из этого номера заказы не поступали.

– Смотрите внимательно. Сегодня ночью.

– Ни одного.

– Ошибка исключена?

– Полностью.

– А вот Ягупов сказал, что относил в триста пятый шампанское.

– Он так сказал? – Русаков открыл ящик стола, достал оттуда очки и стал пристально изучать экран. – Нет. Не было никаких заказов.

– Ясно, – пробормотал Дуло, потом, задумавшись на мгновение, попросил: – Посмотрите триста седьмой.

– Ну, здесь много всего: торт бисквитный, торт со сливками. Вот: бутылка шампанского в пять сорок и еще одна в шесть сорок пять. – Русаков снял очки.

– Спасибо. – Попрощавшись, Дуло быстро вышел за дверь.

Через минуту, запыхавшись, вбежал в кабинет начальника службы безопасности.

– Где они? – кивнул на то место, где стояли недавние постояльцы.

– Только что отпустил. А в чем дело? – Последние слова Иванов кричал в спину Сергея, потому что тот бежал к лифту. – У них машина в подземном гараже! Слышишь?! «БМВ» синего цвета.

Не дождавшись лифта, Дуло скачками сбежал вниз по лестнице. Ворвавшись в гараж, стал рыскать из стороны в сторону, как собака, берущая след. Услыхав звук двигателя, выскочил на проезжую часть. На него летел «БМВ» синего цвета. Неожиданно для себя он выхватил пистолет и направил его на водителя. Раздался скрип тормозов. Машина остановилась.

Дуло забежал со стороны водителя и рванул на себя дверцу. Бледный Кочарян, вцепившись в руль, смотрел перед собой.

Сергей тронул его за плечо.

– Ты в порядке?

Кочарян кивнул.

– Ответь на вопрос.

Тот снова кивнул.

– Сколько бутылок шампанского ты заказывал?

– Одну, – механическим голосом проговорил Кочарян.

– Еще раз спрашиваю: одну или две?

– Одну.

– Назови точное время. Когда?

– Звонил без пятнадцати шесть. Не принесли, часа через полтора позвонил еще раз.

– Во сколько? – с нажимом спросил Дуло, но заметив, что Эдварда бьет дрожь, повторил тихим голосом: – Когда ты позвонил во второй раз?

– Около семи.

Дуло захлопнул дверцу и, стукнув пару раз кулаком по капоту, направился к выходу.

...Полина сидела, положив руки на стол. Она смотрела на испачканные краской пальцы. В кабинет зашел Сергей.

– Тимофеев приходил?

Не поворачиваясь, Полина показала ему свои руки.

– Понял... Что-то нашел?

– Еще три жемчужины.

– У кого-то рассыпалось ожерелье.

– Тимофеев сказал то же самое...

– Не знаешь, у кого?

– Тимофеев задал тот же вопрос...

Сергей подошел к Полине, взял ее за плечи и заставил подняться на ноги.

– Ну, что еще?

Она опять показала руки и заплакала.

Сергей легонько ее встряхнул.

– Знаешь, как это называется?

– Что?

– То, что ты сейчас делаешь.

– Как?

– Самоуничтожение. Ты ни в чем не виновата. Рисунок нашелся. Ах, да... – Дуло достал из папки акварель. Взглянув на Полину, забеспокоился: – Тот?

– Тот, – сказала она.

– Значит, все плохое закончилось.

– Послушай. – Лицо Полины преобразилось, меняя выражение от полной обреченности до крайнего любопытства. – Где ты его нашел?

– Потом объясню. В другой раз. – Сергей заглянул ей в глаза, всем своим видом выражая сочувствие.

Однако Полине этого не потребовалось.

– Другого раза не будет, – сказала она. – Я убью тебя, если не расскажешь сейчас.

Сергей обнял жену и бережно усадил.

– Хорошо. Здесь ты права.

Он сунул руки в карманы и прошелся по кабинету.

– Ну? – спросила Полина.

– Этой ночью в отеле «Рикс» убили одного старика.

– Утром ты ездил туда?

– Да, мне позвонили, и я поехал. Старик лежал на полу в своем номере, и его поза... Его поза была неестественной. После осмотра стало ясно, что Пиньеру живого заперли в ящике для багажа, там он и умер.

– Пиньера. Он – иностранец?

– Чилиец. Хотя есть во всем этом что-то странное. Он говорил по-английски.

– Весь мир говорит по-английски, – заметила Полина.

– Странно то, что с английского он постоянно сбивался на немецкий.

– Ты сказал, он чилиец?

– Мишель Пиньера, гражданин Чили.

– Тогда действительно странно. Ведь, если я не ошибаюсь...

– Правильно. В Чили говорят на испанском. И это еще не все. Старик был высокого роста, думаю, не меньше метра девяноста. Светлокожий. Много ты знаешь светлокожих чилийцев?

– Я вообще ни одного не знаю.

– То-то и оно... – Это замечание Сергея никак не относилось к сказанному Полиной, и думал он уже о другом. – Кто-то проник в номер, запер старика в ящике и стал что-то искать. Но здесь есть нестыковки. В семь сорок пять нашли труп. В восемь пятнадцать медики определили начальную стадию окоченения. Официант из отдела обслуживания номеров сообщил, что в шесть утра старик заказал шампанское и сам за него рассчитался. Получается, что его сразу затолкали в ящик, там он задохнулся и успел окоченеть – и это все за два часа. В принципе такое возможно при определенных условиях. Скажем, при низкой температуре или если старик умер до того, как попал в ящик. Но если он задохнулся от нехватки воздуха, должно было пройти какое-то время. И тогда ничего не складывается.

Можно было подумать, что Сергей совсем забыл про жену, если бы не пара беглых взглядов, брошенных на нее мельком.

– Кроме того, если преступник хотел что-то найти, он вряд ли засунул бы старика в ящик. В лучшем случае – допрашивал его, в худшем – пытал.

– Шампанское принесли в номер? – спросила Полина.

– Да. Пиньера сам открыл дверь и рассчитался.

– В таких случаях стоимость заказа включается в счет.

Сергей остановился и взглянул на Полину.

– Да-да, – подтвердила она.

– Еще одна нестыковка.

– Бутылку из-под шампанского нашли?

- Нет. Ни пустой, ни полной.
- Наверное, убийца унес ее с собой. А где был рисунок?
- Под картиной, которая висела на стене. Кстати, старик зачем-то перевесил ее в другое место.
- Значит, это он спрятал рисунок, – уверенно заключила Полина.
- Думаю, после кражи в твоём кабинете рисунок принесли Пиньере.
- А если он украл его сам?
- Пиньере без малого восемьдесят. Он – иностранец.
- Полина усмехнулась.
- Я сморозила глупость...
- Вчера вечером Пиньеру видели с каким-то парнем в вестибюле гостиницы. Возможно, он и принес рисунок. – Дуло посмотрел на часы: – Рабочий день кончился. Поедем домой. Ты на машине?
- Нет.
- Вот и хорошо. Поедешь со мной. Дома поговорим, тебе нужно прийти в себя.
- В этот момент зазвонил телефон Сергея. Полина с укором посмотрела на мужа. Достав трубку, он сначала развел руками, потом приложил ее к уху:
- Да...
- Кирбик, Эдуард Васильевич, старший администратор.
- Слушаю.
- Вам надо приехать в отель «Рикс».
- Что случилось?
- Вам надо приехать... – из трубки доносился разноголосый гомон. Вероятно, Кирбик находился за стойкой ресепшен и не мог говорить.
- Еду, – сказал Дуло и виновато посмотрел на жену.
- В дверь постучали. В кабинет зашла Рита Беленькая.
- Знакомься, это мой муж, – сказала Полина.
- Сергей, – представился он.
- Рита... Я всех обошла. Никто не хочет идти. Что за народ, а еще в культуре работаем.
- Ты о чем? – спросила Полина.
- У меня билеты в консерваторию. Помнишь, я говорила? – Рита склонила голову, потом махнула рукой. – А... ладно.
- Сергей оживился.
- У вас билеты в консерваторию, и не с кем пойти?
- Да.
- Возьмите мою жену, – предложил он.
- Идем? – осторожно спросила Рита.
- Полина отрицательно покачала головой.
- Идет, – ответил Сергей, взял сумку жены и протянул ей. – Тебе нельзя сейчас оставаться одной.

Глава 8

Волшебная флейта

Оркестр играл Гайдна. Нежнейший звук флейты затих. Во время продолжительной паузы воцарилась тишина.

«Интересно, откуда они знают, когда нужно хлопать? Все действуют заодно, будто договорились», – Полина считала, что здесь собрались знатоки и она оказалась среди людей, далеких от обыденной суеты. Или, по крайней мере, знающих, как от нее сбежать.

Она исподволь огляделась. Вокруг сидели самые разные люди. Были среди них нарядные и скромно одетые. Были нелепые и смешные. Но как жадно внимают музыке, как ловят каждый звук. Как наслаждаются...

Впереди, немного наискосок, сидела красивая пара. Лицо женщины в профиль было чуть приподнято. Прямая спина, красивая гордая шея. Пепельно-русые волосы убраны в полурассыпавшийся пучок, небрежно, но вместе с тем элегантно – прелестная головка с пушкинского рисунка. По потерявшему четкие контуры овалу лица ясно – юность прошла. Насколько давно, трудно определить: слишком благородна, изысканна, грациозна дама.

Рядом с ней сидел крупный бородатый мужчина, он бросил на спутницу восторженный взгляд, желая разделить с ней радость переживаемого момента. Вдруг Полина увидела, что голова женщины закидывается назад. Пучок волос дернулся, но тут же вернулся на прежнее место. Кажется, женщина просто вздрогнула и продолжает внимать музыке.

Но нет: ее голова снова упала. Теперь вперед.

«Она засыпает! – Полина испытала ни с чем не сравнимое разочарование и тут же попыталась оправдать прекрасную незнакомку: – Любой может уснуть в консерватории, – сказала она себе и обескураженно заключила: – Но только не она!»

– Скоро перерыв... – прошептала Рита. – В буфет пойдем?

Полина усмехнулась и, наклонившись, тихо произнесла:

– Пожрать можно и дома.

– Я не обедала.

– А еще в культуре работаешь... – Полина повторила ее недавнюю фразу.

Сдерживая смех, Рита беззвучно затряслась в кресле.

Буфетный ассортимент разочаровал сразу и навсегда. Бутерброды с колбасой, напитки – все, что предлагала витрина.

– Что тебе взять? – спросила Рита, когда подошла ее очередь.

– Минералку, – сказала Полина.

Рита рассчиталась, взяла пластиковую тарелку и стала продвигаться к столу, Полина со стаканом – за ней.

– Риточка! Как славно тебя встретить!

Полина подняла голову и увидела женщину, за которой наблюдала во время концерта. Рядом стоял ее бородатый спутник.

– Здравствуйте, – сказала Рита и повернулась к Полине: – Моя подруга Полина Свирская.

– Очень приятно, – ответила та.

– Диана Матвеевна Шевелева, – представилась дама.

– Евгений Викторович Полтораки, – бородач даже не пытался себя сдерживать. – Порази-тельно! Какая отдача, какая точная по духу настройка!

– Вам понравилось? – дипломатично спросила Диана Матвеевна.

– Очень, – сказала Полина и оглядела ее.

Диане Матвеевне было за сорок, но красота ее еще не увяла. Изысканные черты не потеряли прелести. Ею хотелось любоваться.

– Игра оркестра изумительна! – снова заговорил Евгений Викторович. – Это называется быть в ударе!

Диана Матвеевна снисходительно улыбнулась.

– Ты и сам сегодня в ударе. – В ее глазах заиграли смешливые искорки. – Я – о высоком.

В фойе раздался звонок, его отчаянный призыв долетел до буфета.

– Не будем вам мешать, – сказала Диана Матвеевна Рите. – Иначе ты не успеешь съесть бутерброд. Увидимся после концерта.

Они ушли. Полина спросила:

– Кто это?

– Живописная парочка? – Рита жевала бутерброд. – Когда-то Диана была настоящей красавицей.

– Она и сейчас ничего, – сказала Полина.

– В сравнении с тем, что было, это слезы...

– Они муж и жена?

– Муж и жена.

– Откуда ты их знаешь?

– Ее часто приглашают в галерею в качестве независимого эксперта. Странно, что ты ее не встречала.

– Может, просто не обращала внимания.

– Она специалист по оценке подлинности, авторства и стоимости картин. Он – бывший музыкант. Сейчас работает музыкальным критиком. Ведет программу на телевидении.

Вторая часть концерта оказалась длиннее первой. Была полночь, когда в фойе они встретились с Дианой Матвеевной.

– А где Евгений Викторович? – спросила Рита.

– Пошел за машиной, мы оставили ее в нескольких кварталах отсюда. Кстати, ты на автомобиле?

– Я – да, – ответила Рита.

– А подруга?

– Со мной.

– Мы можем ее подвезти. – Диана Матвеевна заговорила с Полиной: – Куда вам?

– Шелепихинская набережная.

– Это недалеко, нам по пути. А Рита пусть едет в свое Люблино.

Они вышли на улицу. Теплый ветер доносил шум листвы. Звуки шагов заглушал шум проезжающих машин.

В двух кварталах от консерватории их ждал Евгений Викторович. На нем уже был легкий пиджак, который он, по-видимому, забрал из машины.

– Довезем Полину до дома, – предложила Диана Матвеевна.

– С удовольствием. – Полторак распахнул заднюю дверцу.

– Благодарю, – Полина помахала рукой Рите. – Завтра увидимся.

В половине первого ночи Полина была дома. Сергей еще не пришел.

Глава 9

Перемотка

Вечером в вестибюле отеля было немногочисленно. Сергей пересек его по диагонали и, поравнявшись со стойкой, бросил взгляд на потолок. Отыскав камеру наблюдения, примерился, определяя зону ее действия.

– Кирбик Эдуард Васильевич, старший администратор.

– Помню, – сказал Дуло.

– Это я вам звонил.

– Понял.

Подняв указательный палец, Кирбик сказал:

– Все только и говорят об этой истории.

Дуло склонил голову набок и внимательно посмотрел на администратора:

– И?..

– После того как вы ушли, мы стали решать, что делать с вещами Пиньеры.

– Разве здесь нет камеры хранения? – спросил Дуло.

– Есть, в том-то и дело...

– Ну?..

– Начали оформлять, и тут выяснилось...

– Что? – голос следователя прозвучал неожиданно резко.

– В камере хранения уже есть вещи Пиньеры.

– Кто их туда сдал?

– Он сам. Оформил в день своего приезда. Я подумал, надо бы вам взглянуть на них.

– Где они? – быстро спросил Дуло.

– Идемте. – Кирбик достал ключи.

В комнате без окон стояли три стеллажа. И только на одном была небольшая коробка. На боку ее чернели жирные цифры – 305.

Дуло сбросил крышку. Она упала на металлические перекладки стеллажа. Сергей заглянул внутрь. В коробке лежала сумка, похожая на мужской несессер. Он взял сумку и, ни слова не говоря, вышел из комнаты.

– Оформить бы надо... – окликнул его Кирбик.

– Сначала посмотрим, может, и оформлять нечего.

Сергей прошел в ту часть вестибюля, где освещение было ярче всего. Сел в кресло, поставил сумку на стол и расстегнул замок.

– Что там? – спросил Кирбик.

– Садитесь, – вдруг приказал Сергей.

Эдуард Васильевич сел. На столе лежала тетрадь.

– И все? – в голосе администратора сквозило разочарование.

Дуло раскрыл тетрадь.

– Какой это язык? – спросил он.

Кирбик взглянул на текст:

– Немецкий.

– Перевести можете?

– Сразу – нет. Почерк неразборчивый. – Он перелистнул страницу. – Если дадите время, я переведу пару листов.

– Помнится, вы сказали, что Пиньера бронировал гостиницу с помощью Интернета. У вас осталась какая-то информация?

- Да, в электронной почте отеля.
 - Узнайте, откуда производилось бронирование, номер карты, имя ее владельца.
 - Завтра найду, распечатаю и отдам вместе с переводом.
- Сергей встал. Прежде чем направиться к выходу, спросил:
- Иванов здесь?
 - Начальник службы безопасности? У себя.
 - Очень кстати, – обрадовался Дуло и направился к лифту.
 - Так я забираю тетрадь? – окликнул его Кирбик.
 - Само собой, – обронил Сергей, прежде чем двери лифта за ним сомкнулись. – Сделайте одолжение.

Из кабинета начальника службы безопасности слышались гортанные крики и одиночные выстрелы. Сергей занес руку, чтобы постучать в дверь, однако не постучал, а прислушался. Потом улыбнулся, стукнул пару раз и вошел без приглашения.

За столом сидел раскрасневшийся Иванов. Взглянув на Сергея, кивнул на стул, продолжая орудовать клавиатурой. Он стучал по клавишам так, будто от того, насколько сильно ударит, зависит его жизнь. В динамиках прогремел взрыв, Иванов откинулся в кресле и обессиленно произнес:

- Убили...
 - Бывает, – хмыкнул Дуло. – Нашел вчерашнюю запись из вестибюля?
 - Нашел. – Иванов встал, схватился за поясницу и по-стариковски распрямил спину, потом открыл ящик, достал из него флэшку и снова сел в кресло.
 - Сейчас... – он запустил руку под стол и вставил флэшку. – Сейчас... Ну, вот. – Иванов развернул монитор так, чтобы Сергей мог видеть экран. – С какого времени смотрим?
 - С восемнадцати, – ответил Сергей.
 - И до?..
 - До двенадцати, пока не закрыли дверь.
- Иванов посмотрел на часы.
- Что? – спросил у него Дуло.
 - Ты понимаешь, до скольких реально придется сидеть?
 - С перемоткой не так долго.
 - Ну-ну... – обронил Иванов.

И он оказался прав. В шесть часов вечера вчерашнего дня вестибюль отеля был полон гостей. Одни входили и направлялись к ресепшен. Другие прямоком шли к диванам и креслам. Для того чтобы пересмотреть некоторые фрагменты, приходилось использовать перемотку. Но только ее обратную функцию.

Через два часа Дуло узнал Эдварда Кочаряна и его друзей. Они подошли к стойке, потом отправились в лифт.

Люди входили и выходили, никого похожего на Пиньеру не наблюдалось. Наконец, когда на мониторе было девять часов вечера, Сергей вскрикнул:

– Останови! – На экране застыла спина высокого сухопарого человека. – Кажется, наш старик. Давай потихоньку вперед.

Человек прошел несколько метров, потом оглянулся.

– Стоп... Это он. Дальше...

Старик осмотрелся и направился к журнальному столику, рядом с которым стояли два кресла. Над спинкой одного из них выросла фигура. Сначала Сергею показалось, что это женщина. Но когда человек вышел навстречу старику, стало ясно, что это мужчина с покатыми плечами и круглой спиной. Его длинные, убранные в хвост волосы не скрывали плешивой макушки.

– Вадим, теперь медленней, кажется, это тот парень, которого мы ищем. Его видел администратор.

Дальше смотрели запись маленькими фрагментами. Вот незнакомец и старик сближаются. Вместе отходят в сторону, говорят, снова идут к креслам. Садятся.

– Там точно одна камера? – спросил Дуло.

– Пока – одна.

Несколько минут были видны только плечи и головы. На мгновение появилось лицо старика. Глядя на него, Сергею подумалось, что при жизни Пиньера был не так плох, как могло показаться во время осмотра его трупа.

В двадцать один час семнадцать минут оба собеседника встали и направились к выходу. В руках старик держал предмет, похожий на папку.

– Вот он! – не выдержав, крикнул Дуло.

– Кто? – спросил Иванов.

– Неважно, давай дальше.

Незнакомец вышел из отеля, а старик отправился к лифту.

– Дальше смотреть будем? – спросил Иванов.

Дуло взглянул на часы, его брови взлетели.

– Три часа ночи.

– Я тебе говорил.

– Могу я забрать флэшку?

– Бери. – Иванов вынул флэшку и отдал Сергею.

Дуло направился к выходу, взялся за ручку двери, потом оглянулся:

– Ты идешь?

– Смысла нет, к семи утра – на работу. Возьму ключи, подремлю в каком-нибудь номере.

– И здесь тебе повезло.

– С чем?

– С тем, что это не макаронная фабрика.

Сергей пришел домой в половине четвертого. Открыл дверь спальни и увидел спящую Полину. Взглянув на свою нетронутую подушку и несмятое одеяло, Сергей до боли в груди ощутил, как одиноко ей было, когда она засыпала.

Глава 10

Все свободны

Полина проснулась, открыла глаза. Мысли заползали в голову, как маленькие предатели, обнажая безрадостные реалии бытия. Беглый взгляд на часы привел ее в чувство: в эту самую минуту начинался рабочий день в галерее.

«Опоздала!» – Полина вскочила и ринулась в ванную.

Просто удивительно, как быстро она оделась, и уже с сумочкой в руках заметила на столе рисунок и записку Сергея:

«Ушел рано. Надеюсь, ты не проспешь».

Она взяла рисунок, положила его в сумку и вышла из дома.

Ей хотелось стать невидимой, пройти до своего кабинета так, чтобы ни одна живая душа не заметила, а главное, не узнала ее. Именно в такие моменты случается то, чего меньше всего хочется. Из бокового коридора навстречу ей вывернула Еремкина, в глазах которой уже горел садистский огонь.

– Вас все ищут, – сказала она. – Вы опоздали на сорок минут. Это, милая моя, почти прогул.

– Короче, – перебила ее Полина.

– Хотите короче? – Елена Феликсовна посторонилась, уступая ей дорогу. – Вас вызывает Альберт Иванович.

– Варовский? – для чего-то спросила Полина.

В ее голосе прозвучало то, что хотела услышать Еремкина. Страх.

– Идите, – велела Елена Феликсовна.

У Полины не было выбора, она направилась в кабинет директора.

– Здравствуйте, Полина Сергеевна, – Варовский поздоровался, оставаясь сидеть в кресле. Он был любезен и пребывал в хорошем расположении духа. – Надеюсь, сегодня мы с вами договоримся.

Полина села на стул и с удивлением для себя обнаружила, что закинула ногу на ногу.

Альберт Иванович, казалось, не заметил такой вольности. Он миролюбиво проговорил:

– Вы наверняка помните наш последний разговор. На мое предложение уволиться по собственному желанию вы ответили отказом. Позвольте обосновать это мое решение, возможно, вы чего-то не поняли. – Варовский встал с кресла и прошелся по ковровой дорожке. – Все работники галереи, все мы, несем ответственность за доверенные нам ценности. Мы имеем дело с общенациональным достоянием, с сокровищами мировой культуры...

Полина окинула его изучающим взглядом. Наткнувшись на него, Варовский остановился, как будто забыв, о чем говорил.

В дверь постучали.

– Я занят! – крикнул Альберт Иванович и быстро прошел к двери.

Его хорошее настроение на глазах улетучилось.

– Боюсь, что у меня нет больше времени, поэтому повторю свой вопрос. Вы напишете заявление?

– Нет. – Полина удивилась тому, как спокойно это сказала.

– Что ж, я был готов к такому ответу. – Варовский распахнул дверь и коротко бросил: – Зайдите.

В кабинет с раскрытой папкой в руках зашел начальник отдела кадров. Он положил папку перед Полиной:

– Это приказ о вашем увольнении. Причина увольнения – утрата доверия. Поскольку мы имеем дело с общенациональным достоянием...

– Это мне уже объяснили, – не выдержала она.

– Тем лучше. Вы должны расписаться.

– Я не буду расписываться в вашем приказе.

На этот раз к двери направился начальник отдела кадров:

– Заходите, – пригласил он кого-то.

В кабинет один за другим зашли Кириченко и Еремкина. Они встали напротив Полины. Взгляд Кириченко уперся в ее колени.

Кадровик взял в руки папку:

– Поскольку вы отказались ознакомиться с приказом, – начал он, обращаясь к Полине, – я зачитаю текст в присутствии двоих свидетелей...

При этих словах Елена Феликсовна слотнула слюну. Алексей Григорьевич хлопнул ее по спине, как будто из опасения, что она поперхнется.

После озвучивания приказа Кириченко и Еремкина в нем расписались.

– По истечении двух недель, положенных по закону, вы получите денежный расчет и трудовую книжку, – произнес кадровик и вышел из кабинета.

– Не задерживаю вас, Полина Сергеевна, – сказал Варовский, потом повернулся к Еремкиной и Кириченко: – Вы тоже свободны.

Пока Полина шла до своего кабинета, за ней по пятам, как такса и доберман, следовала «сладкая парочка». Причем на добермана походила Елена Феликсовна. Ее жилет, как черный чепрак, покрывал круглое тело. Маленькая голова и тощие «лапы» делали сходство абсолютным.

У Кириченко были кривые ноги, продолговатое тело и длинный нос. Чем не такса? К тому же он был истинный кобель.

Еремкина пребывала в воинственном настроении. Будь ее воля, она догнала бы Свирскую и зубами вцепилась в ее лодыжку. Елена Феликсовна знала природу такого желания. Ей казалось, что процедуру подписания приказа бессовестно сократили. У нее украли возможность насладиться чужим унижением.

Елена Феликсовна всегда исполняла роль деловой женщины, считая себя специалистом во всех областях, включая юриспруденцию, мелиорацию и горнодобывающую промышленность. Многолетняя привычка существовать не работая закрепились в ней намертво. Она блестяще использовала мимикрические приемы, тактические фенечки и психологические финты. Морщинистое от старости и злоупотребления косметикой лицо существовало под грифом «и рада бы поработать, да некогда». Походка Елены Феликсовны была стремительной, несмотря на то, что спешить ей было некуда.

Разговаривая, Еремкина будто кривлялась. В остальном она была само совершенство.

– Тебе никогда не нравилась Свирская, – сказал Кириченко. – Теперь ты довольна?

– Ей уже не отмыться.

– Сука ты, Лена.

Елена Феликсовна оглянулась на своего спутника и, проследив за его взглядом, уставилась на Полину.

– Ревнивая сука, – добавил он. – Я только один раз сказал, что у нее красивые ноги.

– Маленький негодяй, – Еремкина смерила негодующим взглядом низкорослого Кириченко и, развернувшись, направилась в противоположную сторону.

А он, улыбаясь, бросил ей вслед:

– Я там на стол сливочную помадку тебе положил... Све-е-еженькая.

Глава 11

На свободной охоте

Сергей зашел в отель и напрямик направился к стойке портье.

– Слава богу! – Кирбик достал из шкафа конверт, потом тетрадь. – Я сменился в восемь утра. Жду только вас. Здесь – перевод.

– Сколько перевели? – спросил у него Дуло.

– Немного. Несколько страниц дневника.

– А это дневник? – удивился Сергей.

– И какой! – отозвался портье. – Записки офицера Люфтваффе Вальтера Штейнхоффа, командира эскадрильи в истребительном полку. Первая запись датирована январем 1945 года.

– Сорок пятый... – пробормотал Дуло. – Конец войны. У вас есть копия паспорта Мишеля Пиньеры?

– Я и без копии могу сказать дату его рождения – первое сентября тысяча девятьсот тридцать пятого года.

– В сорок пятом ему было всего десять.

Кирбик протянул конверт:

– Ознакомьтесь?

– Прочитаю чуть позже, – сказал Дуло, забирая конверт.

– Тетрадь, – напомнил ему Эдуард Васильевич.

– Понимаю, что не должен просить, – Сергей замялся. – Но альтернативы пока нет...

– Понял, переведу. Но быстро не обещаю.

– По мере возможности, – сказал Сергей. – Если я пойму, что дневник к делу никак не относится, мы просто вернем его в камеру хранения. Если в нем что-то есть – найдем переводчика.

– Договорились. Теперь по поводу брони, – напомнил портье. – Пиньера действительно бронировал номер через Интернет со своей карточки. Только бронировал не из Чили, а из Москвы. Советую заглянуть в его паспорт, ксерокопию я приложил. В Россию он въехал задолго до того, как поселился в отеле «Рикс».

Дуло непроизвольно пожал плечами:

– В другой гостинице жил?

– Не знаю. – Кирбик забрал тетрадь. – Что ж, встретимся послезавтра.

– Не забудьте о переводе, – напомнил ему Дуло.

Справившись в ресторане об Олеге Ягупове, Сергей узнал, что тот еще не пришел. В ожидании официанта он уселся на подоконник, открыл конверт и достал первый лист, оказавшийся ксерокопией паспорта Мишеля Пиньеры. В верхней его части был разворот с фотографией. В нижней – с визовой отметкой.

Слова Кирбика подтвердились: Пиньера действительно прибыл в Россию за четырнадцать дней до того, как поселился в отеле «Рикс». Это означало, что по приезде в Москву Пиньера остановился в другой гостинице или у каких-то знакомых. Первое предположение обещало много рутинной работы и сомнительный результат. Второе – могло принести пользу.

Сергей вынул другой лист. Это был перевод немецкого текста. Он стал читать.

Пятница, 5 января 1945 года.

Вчера в паре с обер-фельдфебелем Нойманом мы вышли на свободную охоту. Летели на маленькой высоте, задание было простым: атаковать любой самолет противника.

Плотные облака прижимали самолеты к земле. Чтобы пробить облачность, мы поднялись на высоту более тысячи метров. Там в синем небе увидели черные силуэты «жирных фургон» – тяжелых четырехмоторных бомбардировщиков, за которыми тянулись белые конденсационные следы. Еще выше плотным строем шли истребители. Их было так много, что я даже не решался на них смотреть.

Нойман и я развернулись, чтобы поднять самолеты выше и со стороны солнца сблизиться с «Либерейторами»¹. Еще не набрав высоты, я вдруг заметил одиночную «Крепость» бомбардировщик «Б-17». Приближаясь, с ужасом наблюдал за тем, как увеличивается в размерах эта махина. Когда пришло время стрелять, она уже не вмещалась в прицел.

Мои трассеры вонзились в ее фюзеляж. Такой же поток трассеров прошел над моей кабиной. Я резко ушел вверх, горизонт сменил положение, и я уже висел на ремнях вверх ногами. Краем глаза видел, как у «Крепости» загорелся один, а потом второй двигатель. В следующее мгновение машина вспыхнула и развалилась на части. В небе раскрылись пять парашютов.

В тот же момент вся армада истребителей из сопровождения «Либерейторов» спикировала на нас. До сих пор ни один американский летчик не подбивал меня (тогда как русские сделали это пять раз), и я не желал открывать счет: махнул Нойману крыльями, по спирали спустился до уровня земли и ушел в сторону.

Когда мы достигли Дуная, солнце уже зашло. Компас не работал. После отчаянных поисков мы, наконец, добрались до аэродрома. В штабе сообщили, что нас занесли в список потерь.

На моем «Мессершмитте» осталось шесть пробоин. Я был в ярости, однако благодарил судьбу за то, что остался жив.

Домой вернулся злой, уставший и мокрый от пота. В комнате было холодно и темно. Свет – отключен, пришлось зажигать свечу. Побрился и переоделся в сухую одежду. За несколько лет войны я хорошо усвоил главное правило: оставаясь здоровым, можно перенести самые тяжелые испытания.

В одиннадцать часов обер-ефрейтор принес мне приглашение коменданта. В город приехала берлинская труппа (многие артисты теперь выступали перед военными). Отчего-то я точно знал, что мне нужно туда идти.

В боковом зале ресторана шумела компания, среди прочих было несколько эсенинцев. Увидев одну из них, я остановился в дверях. Потом подошел к ней и сказал:

– Я знал, что встречу вас здесь.

Я стоял перед Анной Хиппиус, звездой немецкого кино, эсенинкой, в которую был влюблен задолго до этой встречи. Только позавчера я смотрел фильм, в котором она играла главную роль. Фильм, который уже видел, но смотрел снова, потому что каждый раз находил в ней что-то новое или узнавал то, что уже любил. И вот я стою перед ней...»

– Вы искали меня?

Сергей поднял голову.

– Фамилия?

– Ягупов.

Сергей достал корочки и, не раскрывая, сунул официанту под нос.

– Следовательно по особо важным делам Следственного комитета Дуло. Есть пара вопросов, пройдемте, сядем где-нибудь.

Они сели за крайний стол. Чувствовалось, что Ягупов трусит, не зная, чего ему ожидать.

Сергей вынул блокнот.

– В последнюю ночь вашего дежурства, под утро, из триста пятого номера поступил заказ.

¹ Американский тяжелый бомбардировщик «В-24».

- Из триста седьмого, – поправил Ягупов.
- Следователь, который приехал на вызов, сказал, что говорил с вами...
- Вот вы о чем, – у Ягупова вспыхнули щеки. – Ну, перепутал я. С каждым бывает.
- Что значит перепутал? – Сергей сделал вид, что не придает вопросу большого значения. Официант отреагировал почти агрессивно.
- А с вами ничего подобного не случилось?
- Доставлять шампанское в номера? – Сергей поднял глаза. – Дайте-ка вспомнить... – Он вновь посмотрел на Ягупова. – Нет, никогда.
- Ну, ошибся, что же теперь, убить меня? – плачущим голосом взмолился тот.
- Что-то я не пойму, о какой ошибке идет речь?
- А вы о какой? – в свою очередь удивился Ягупов. – Я номера перепутал. Постояльцам из триста седьмого пришлось повторить заказ.
- Подробней с этого момента.
- Было часов шесть. Я маленько заснул. Вдруг – звонок. В триста седьмой требуют бутылку шампанского. Взял из буфета шампанское, полотенце, фужеры. Пока поднимался в лифте, забыл номер комнаты и по ошибке постучал в триста пятый. Там было тихо, долго не открывали. Потом вышел старик.
- Как он выглядел? – спросил Дуло.
- Высокий, седой. В общем, старый.
- Во что был одет?
- В шелковый халат, кажется, бордового цвета.
- Что-то еще запомнили?
- Нет...
- Вспоминайте, вспоминайте.
- Ягупов поднял глаза, так же, как это недавно сделал Сергей.
- Брюки...
- Что?
- На нем были брюки.
- Пижамные? – предположил Дуло.
- Нет, обычные, светло-серые и туфли такого же цвета, как брюки, с дырочками.
- Вы уверены? – спросил его Дуло. – Когда старика нашли, на нем были джинсы и мокасины.
- Я сказал – брюки и туфли с дырочками.
- Хорошо, – согласился Сергей. – Вы принесли шампанское, которое он не заказывал...
- И что?
- Старик расплатился, забрал бутылку. От фужеров отказался.
- Но ведь он ничего не заказывал, зачем же тогда взял шампанское и тем более заплатил?
- Откуда мне знать?
- На каком языке вы говорили?
- Я – на русском.
- А он?
- Он молчал. Но, как мне показалось, все понимал.
- Как же он дал понять, что ему не нужны фужеры?
- Просто махнул рукой.
- Сергей откинулся на стуле и замер, глядя перед собой. Потом процедил:
- Если я не заказывал, то не возьму. Еще и обругаю, что меня разбудили. А он заплатил наличными. – Сергей снова выпрямился. – В какой валюте платил?
- В долларах. Сотню отдал.
- А еще говорят, жадный...

– Он стремился отделаться от меня.

– Может, просто хотел спать?

– Чего-чего, а сна у него ни в одном глазу не было. Если кто и хотел спать – так это я. –

Олег Ягупов нехотя ухмыльнулся: – Надо же, в ботинках и брюках... Я еще удивился. Ведь если долго не открывал, значит, он спал. Ладно халат, но зачем ботинки и брюки?

– Вот и я говорю, – сказал Сергей.

Глава 12

Улика

– Пожалуйста, не молчи...

Последние полчаса Полина, не отрываясь, смотрела на рисунок. Дошло до того, что она заговорила с «Человеком в сером на фоне гор». А он сидел на мосту и, свесив ноги, смотрел на воду.

– Вот так с вами, мужиками, всегда.

Полина взяла в руки рисунок и подумала, что, забрав его с собой, совершила ошибку. Надо бы спросить у Сергея, что с ним теперь будет.

– Скорей всего, приобщат к материалам дела.

И как ни хотелось ей вспоминать о том, что случилось в кабинете Варовского, пришло время подумать.

«Две недели на отработку. Зачем они мне? Приходить на работу, сидеть в кабинете и бояться, что кто-то зайдет? Не проще ли все закончить сейчас? Собрать вещи и поехать домой».

– Что скажешь? – спросила она у «Человека в сером на фоне гор» и сама за него ответила: – Ты думаешь, что это неправильно. Есть время, и значит, нужно бороться.

Размышляя таким образом, Полина вынула акварель из белого паспарту. Бумага, на которую художник когда-то нанес краски, казалась очень сухой. Паспарту выглядело приличней – склеенный картон, по размеру чуть больше рисунка.

– Это еще что такое... – прошептала Полина, рассматривая изображение на внутренней поверхности паспарту, прежде скрытое под краями рисунка.

Кто-то от руки набросал чертеж, на котором стоял жирный крест. Первое, что пришло в голову: именно так на пиратских планах обозначали расположение клада.

Эта мысль увлекла Полину. На мгновение ей показалось, что она подобралась к разгадке исчезновения акварели. Потом решила, что все это глупости.

И все же Полина решила позвонить Сергею и набрала его номер.

– Некогда. Скоро буду, – коротко ответил он и положил трубку.

– Вот так с вами, мужиками, всегда, – сказала Полина, раздумывая над тем, стоит ли обижаться на мужа.

Глядя на чертеж, она пыталась понять, что тот мог означать. На карту не похоже, скорее план какого-то сооружения. Если так, то его местонахождение останется для нее вечной загадкой.

Полина со всех сторон осмотрела рисунок и паспарту. Никаких других обозначений не обнаружила. На всякий случай сняла ксерокопию чертежа и положила листок в сумку.

«У меня есть всего две недели и никаких объяснений тому, что случилось». Она встала и с досадой оттолкнула от себя кресло.

– Откуда только взялись эти рисунки! – И она уже осмысленно повторила: – А откуда они взялись?

Полина бросилась к телефону. Набрала внутренний номер юридического отдела.

– Рита, ты еще дружишь со мной?

– Дружу, – ответила Беленькая. – Ты теперь так шутишь?

– Мало ли... Может быть, я тебя компрометирую.

– Компрометируй, – позволила Рита.

– Мне нужна твоя помощь.

– Ну, давай...

– Можешь узнать имя и адрес дарителя рисунков?

– Тех, что нашли в чемодане?

– Тех самых.

– Ясно. До вечера подождешь?

– Подожду, – согласилась Полина и тут же спросила: – А почему не сейчас?

Рита понизила голос:

– Начальница уйдет. Я останусь. Понимаешь?..

– Понимаю. Значит, до вечера. – Положив трубку, Полина энергично потерла руки. – Так, так, так... Что же еще? Чего я не заметила, что пропустила?

В разгар мозгового штурма в дверь постучали.

– Да, – сказала Полина.

В следующее мгновение в кабинет заглянула изящная головка с пушкинского рисунка.

– Диана Матвеевна? – удивилась она.

– Извините, не удержалась.

В кабинет зашла Шевелева. Она была в шифоновом платье цвета сапфира, точь-в-точь как ее глаза.

– У вас здесь очень уютно, – Диана Матвеевна огляделась. – Не буду лукавить, Рита сказала мне о том, что случилось. Это страшный сон любого искусствоведа. Именно поэтому я решила зайти. Хотелось вас поддержать.

– Чем? – спросила Полина.

– Мне нравится ваша манера общаться, – улыбнулась Диана Матвеевна. – Прямота – родная сестра честности. – Она рассмеялась, потом посерьезнела. – Я зашла сказать, что сегодня привезла в галерею заключение относительно авторства рисунка Б18. Это не Малевич.

– Спасибо, что сообщили. Я занималась им несколько месяцев.

– Думаю, вам нужно об этом знать. – Шевелева подошла к столу и взяла в руки «Человека в сером на фоне гор». – Кажется, я где-то его видела...

– По нему экспертиза уже закончена. – Полина забрала акварель из рук Дианы Матвеевны, взяла паспарту, открыла ящик стола и все убрала туда.

– Ученическая работа, – сказала Шевелева. – Здесь даже рассматривать нечего.

– Вы правы...

Полина вдруг на себе почувствовала, как действует на людей удивительная красота этой женщины, и ощутила себя дурнушкой. Такого она не испытывала с тех пор, когда в двенадцать лет у нее появились прыщи.

Неловкость момента усугубилась тем, что Диана Матвеевна не знала, о чем еще говорить, и это только усилило взаимное замешательство. Полина тоже молчала. Ситуацию мог спасти кто-то третий. Так и случилось, в кабинет вошел Сергей. Увидев Диану, он замер. Потом произнес:

– Здравствуй, Дина. Не ожидал тебя здесь увидеть.

– Сергей... – Шевелева порывисто его обняла.

Застыв в неудобной позе, Сергей молча смотрел на жену поверх изящного плечика Дианы Матвеевны.

Из кухни донесся грохот. Сергей поморщился. По тому, с какой силой Полина хлопала дверцами шкафов, он определял, насколько она сердита.

Решив, что самое время помириться, Сергей встал с кровати. Пока шел на кухню, прикидывал, с чего лучше начать.

Полина стояла у окна. По отражению в стекле Сергей видел, что она держит в руке кружку.

– Полина... – тихим голосом начал он.

Ответа не последовало.

– Полина, я тысячу раз говорил, что до тебя был дважды женат.

– И обе жены от тебя сбежали, – наконец заговорила она.

– Сбежали, – согласился Сергей. – И это я тоже рассказал тебе.

– Двuruшник...

– Это еще почему? – устало спросил он.

– Диана тебя бросила, а ты ее обнимаешь.

– Ну, во-первых, не я ее, а она меня. Во-вторых, с Диной мы знакомы со школы. И если не брать во внимание то, что она была моей первой женой, она – моя одноклассница.

– С Дианой... – уточнила Полина.

– Я был женат на Дине. Буква «а» в ее имени появилась после меня.

Полина обернулась, и по ее лицу он заметил, что она не против поговорить.

– Скажи честно, ты еще любишь ее?

– Что за бред... – Сергей недовольно поморщился. – Я уже ничего не помню. – Он подошел к жене и попытался ее обнять. Попытка не удалась: Полина отвела его руки.

– Почему она тебя бросила?

– Тебе интересно?

Полина кивнула.

– И ты после этого успокоишься?

– Успокоюсь.

– Хорошо. Я тебе расскажу.

Полина поставила на стол кружку и, пока Сергей собирался с мыслями, налила ему чай. Усевшись на стул, всем своим видом дала понять, что готова слушать. Сергей тоже сел.

– С Диной мы поженились, когда нам было по двадцать. Учились в одном классе, потом вместе поехали в Москву. Я поступил на юридический, она – на факультет истории искусств. – Он отхлебнул из кружки и продолжил: – Когда закончили учебу, я распределился в уголовный розыск. Сначала следователем, а когда заскучал, ушел в оперативники. Спортивной подготовки хватало, в общем, дело пошло. Что тут рассказывать. – Сергей хлопнул ладонями по коленкам. – Квартиры в Москве у нас не было. Снимали двушку в Перово. Денег не хватало. Я уже тогда понимал, что Дине хотелось большего, но успокаивал себя тем, что со временем у нас будет все. Главное – мы вместе. – Он опять хлопнул по коленям. – А тут как-то осенью завелся в парке маньяк. Чего мы только не делали. Каждую неделю – убийство. С ног сбились. И вот однажды вечером выследили его. Осталось прочесать небольшой участок. Мне досталась территория парка у самой воды. Смотрю, идет сгорбленный старикан с мешком. В мешке гремят пустые бутылки. Меня увидел, схватился за сердце. Я к нему, неопытный был, думал – нужно помочь. Ткнул он меня несколько раз ножом. Потом его ребята поймали. Оказалось, это тот самый маньяк. А я провел месяц в реанимации, потом полгода в больнице.

– А Диана?

– Мы увиделись через год.

– Она ни разу к тебе не пришла? – Полина со стуком поставила кружку.

– Нет.

– Почему?

– Сказала, что давно хотела развода. А когда со мной это случилось, побоялась, что из жалости придется остаться.

– Тварь.

– Не нужно так говорить. Во многом я виноват сам.

– Не надо ее оправдывать.

– Я объясню. Ты не представляешь, что такое работа оперативника. Бывало, неделю дома не ночевал. Дина сходила с ума, не знала, что и думать. Праздники, выходные – все время одна.

- А вот здесь я готова с тобой поспорить...
 - С чем? – не понял Сергей.
 - С тем, что она все время была одна. Скажешь, она ушла от тебя в никуда?
 - Через год, когда мы встретились, у нее уже кто-то был.
 - Этот кто-то у нее был задолго до того, как вы встретились.
- Сергей поднялся со стула. Она тоже встала и положила голову на его плечо:
- Я рада, что она тебя бросила.
 - Почему?
 - Потому что теперь ты мой.
 - Кажется, это твой телефон, – мягко сказал Сергей.
 - Что?
 - Тебе кто-то звонит.

Полина стремглав понеслась в комнату.

– Это Рита! – на ходу прокричала она.

И это на самом деле была Маргарита. Через три минуты Полина вернулась в кухню с бумажкой, на которой записала адрес дарителей рисунков.

– Завтра едем в Нахабино.

– Зачем? – поинтересовался Сергей.

– Я узнала адрес людей, которые привезли в галерею чемодан с рисунками. Кстати, я не рассказала тебе самого главного!

Полина схватила Сергея за руку и потащила его в комнату.

– Сегодня утром я сдуру взяла на работу рисунок. Только потом сообразила, что он – улика. Там вынула его из паспарту и вот что нашла. – Полина достала из сумки ксерокопию.

– А где сам рисунок? – Сергей оглядел комнату.

– Лежит в твоём столе, там же – паспарту. Я не стала его вставлять, чтобы ты сам посмотрел.

Сергей взял ксерокопию:

– И что это значит?

– Рисунок украли не потому, что он чего-то стоит. А потому, что это носитель.

– Носитель чего?

– Информации. На его паспарту изображен план здания. – Полина ткнула пальцем в нарисованный крест. – А это – клад.

Сергей саркастически улыбнулся:

– Ну-ну...

– Не ну-ну, а утром едем в Нахабино.

Глава 13

Даритель из нахабино

Есть люди, которым трудно просыпаться в субботу раньше двенадцати. Чтобы так спать, нужно иметь крепкие нервы и чистую совесть, такую, как у Полины. В свои тридцать три она могла проспать целые сутки. Знакомые говорили, это потому, что у нее нет детей. Сама Полина старалась не слишком углубляться в подобные рассуждения.

– Полина, вставай...

Она открыла один глаз. На кровати сидел Сергей. Он был одет, чисто выбрит, влажные волосы торчали в разные стороны. Ему никогда не удавалось их зачесать, потому что они были слишком короткими.

– За-а-а-чем? Сегодня суббота-а-а, – капризно протянула Полина.

– Вставай-вставай... Сама сказала, поедem в Нахабино.

Она мгновенно проснулась.

– Через пять минут буду готова.

Нахабино – поселок городского типа в пятнадцати километрах от Москвы, куда можно попасть по Волоколамке. Сначала они выехали на Звенигородку, потом ушли правее. Через полтора часа пересекли МКАД, оказавшись на Волоколамском шоссе.

В разгар дачного сезона вся Москва устремилась в пригород. Машины двигались плотным потоком со скоростью не больше десяти километров в час.

В другое время года, поздней осенью или зимой, они проскочили бы такое расстояние за двадцать минут. А сейчас...

– Нужно было выезжать в семь утра, – сказал Сергей, и в его голосе послышалось раздражение.

– Один ты такой хитрый, – усмехнулась Полина. – Летом здесь все забито уже в пять.

– Представляю, что творится в восточном направлении.

– По счастью, мы живем на западной стороне столицы.

– Что не мешает нам второй час стоять в пробке, – заключил Сергей.

Полина опустила стекло и откинулась в кресле. Сначала ей захотелось вздремнуть, потом она поняла: вряд ли это получится.

– Тебе не звонил тот криминалист, что был у меня?

– Тимофеев? – Сергей остановился за какой-то машиной и вздохнул. – Ну, вот опять.

– Не звонил? – снова спросила Полина.

– Рано еще. Результаты будут не раньше среды.

– Я все время думаю про тот жемчуг.

– Есть бусины, но нет нити, чтобы их нанизать...

Поток машин опять тронулся. Сергей нажал на педаль газа. Проехали двадцать метров и снова встали.

– Нити нет. Это уж точно...

– В кабинете наверняка остались какие-то отпечатки... – снова заговорила Полина.

– Тимофеев дактилоскопировал всех сотрудников. Возможно, среди отпечатков есть зарегистрированные в базе. Тогда дело сдвинется с мертвой точки.

– Перспектива туманная, – сказала Полина.

Сергей посмотрел на нее долгим взглядом, потом положил на колени свою папку:

– Открой, там сверху на документах лежит листок. Почитай.

– Что это?

– Среди вещей старика нашли тетрадь. Не то дневник, не то мемуары времен Второй мировой.

– Его мемуары?

– Нет, он слишком молод для них.

– Может, отца или родственника?

– Может быть. Почитай.

Полина достала перевод и начала читать. Минут через пять заворочалась в кресле и закрыла окно.

– Странное ощущение. Как будто вижу все своими глазами...

– Из первых рук.

– Ты когда-нибудь слышал про эту Хиппиус? Судя по тому, что он пишет, она была знаменита.

– Я плохо знаю немецкое кино. Это скорее по твоей части.

– Я тоже не слышала. – Полина заглянула в папку Сергея. – А где остальное?

– Остального пока нет. Переводят.

– Интересно узнать, ответит она ему взаимностью?

– В смысле?

– Я об Анне Хиппиус. Ты только представь: летчик, измотанный войной офицер, накануне краха всего встречает женщину, богиню, в которую был заочно влюблен. Вокруг война, смерть, а она живая и рядом с ним.

Полина вытерла ладошкой глаза. Сергей удивленно посмотрел на нее.

– В чем дело?

– Я вдруг почувствовала, как это грустно...

Не оставляя руль, Сергей одной рукой обнял жену.

– Подъезжаем, какой там адрес?

– Первая Волоколамская улица, дом пять.

– Квартира?

– Частный дом.

Дом, который располагался по указанному адресу, выглядел неказисто. На калитке висела табличка: «Осторожно: злая собака».

Полина улыбнулась:

– С детства помню стихи:

Я с ними делила и радость и горе.

Зачем же такое писать на заборе?

А если для них я действительно злая,

Я больше не буду. Пусть сами и лают.

Сергей улыбнулся и стукнул в калитку. Во дворе тявкнула собачонка. Судя по лаю, она была маленькой и к своим обязанностям относилась формально. Послышались женский голос и медленные шаги.

Калитку открыла женщина лет шестидесяти.

– Вам кого?

Полина достала бумажку и прочитала:

– Михайлову Маргариту Владимировну.

– Это я.

– Здравствуйте. Можно с вами поговорить? – вступил в разговор Сергей.

Заметив, что женщина размышляет, пускать их в дом или нет, Полина сказала:

– Мы – работники галереи, хотели поговорить о рисунках из чемодана.

Аргумент был решающим, Маргарита Владимировна отступила:

– Пожалуйста, проходите.

По дороге к дому она подхватила на руки рыжего шпица, которому до них не было никакого дела.

Изнутри дом был еще меньше, чем казался снаружи. Он состоял из кухни и комнаты, выполнявшей функции гостиной и спальни.

Маргарита Владимировна была женщиной полной и постаревшей до срока. Отеки, следствие какой-то болезни, делали ее лицо похожим на подушку в несвежей наволочке. Толстые ноги при ходьбе мешали одна другой и двигались по сложной траектории, напоминавшей знак бесконечности. Она села в кресло, усадив на колени собаку.

Сергей и Полина расположились на диване.

– Маргарита Владимировна, расскажите, как вы нашли эти рисунки? – попросила Полина.

– Это не я их нашла, а внуки, когда играли на чердаке. Летом их привозят родители и они здесь живут. За ними и раньше не уследить было, а тут – подросли. Прошлым летом влезли на чердак и притащили чемодан. Древний, но очень добротный, из коричневой кожи, с защелками и ремнями. Я и подумать не могла, что эти рисунки кому-то нужны. Соседка подсказала отдать их в галерею.

– В чемодане было еще что-то?

– Какие-то безделушки: старая пудреница, носовые платки, пара шелковых чулок. Сейчас и не вспомню.

– Где это все? – поинтересовался Сергей.

– Дети растащили.

– Неужели ничего не осталось?

– Может, и осталось, да где ж я найду...

– Маргарита Владимировна, пожалуйста, поищите.

– Сейчас? Я же говорю: там была всякая ерунда.

– Да хоть бы и хлам. – Полина на ходу изобретала аргументацию. – Рисунки проходят экспертизу. С помощью найденных предметов мы сможем определить период времени, когда художник их написал.

Маргарита Владимировна согнала собаку с коленей и тяжело поднялась с кресла.

– Да где же мне их найти... Дети затаскали. – Она стала выдвигать ящики серванта. – Хлама всякого много, а чего ищешь, никогда не найти. – Она склонилась, заглядывая в глубину ящика. – Где-то я его видела. Ага, вот он.

Она достала предмет, похожий на черный футляр, и протянула Полине. Та спросила:

– Что это?

– Веер, он тоже был в чемодане.

Полина покрутила его в руках.

– Да вот так надо, – Маргарита Владимировна забрала веер и одним движением его раскрыла.

Веер состоял из тонких пластин, обтянутых черным кружевом. Кое-где остался стеклярус. Ручка была отделана перламутром.

– На перламутре есть гравировка. – Полина прочитала: – Анечке Гиппиус в день премьеры.

Подняв глаза, она перехватила взволнованный взгляд Сергея.

– Кто такая Анечка Гиппиус?

– Это моя тетка. Она давно умерла. Еще до моего рождения. Видимо, это ее чемодан, – сказала Маргарита Владимировна.

– А как он попал к вам?

- Не ко мне, а к моей матери. Я о нем ничего не знала.
 - Как вы думаете, на чердаке может быть еще что-нибудь?
 - Точно нет.
 - Откуда такая уверенность? – спросил Сергей. – Не думаю, что вы туда залезали.
 - Я – нет, а сын целую «Газель» мусора вывез. Собрался дом перестраивать.
 - Когда это случилось?
 - Месяца два тому назад.
 - Про тетюшку свою можете рассказать? – спросила Полина.
 - Нет. Ничего про нее не знаю. Мать никогда не рассказывала.
- Маргарита Владимировна забрала веер у Полины и опустила глаза долу.
- Ну, мы пойдем... – сказала Свирская, рассчитывая, что их остановят и разговор продолжится.

Однако Маргарита Владимировна кивнула и с готовностью прошла к выходу. Полина и Сергей направились за ней. По дороге Сергей достал из папки листок и что-то на нем написал. В воротах протянул его Маргарите Владимировне.

- Здесь мой телефон. Если что-то вспомните или найдете – звоните.

В машине супруги переглянулись.

- Слышала?

– Гиппиус, – сказала Полина.

- Не может быть, что это она. В письме упоминается Анна Хиппиус.

– Гиппиус и Хиппиус – одно и то же. Гитлер на немецком можно прочитать как Хитлер. Генрих Гейне – как Хайнрих Хайне. И в том и в другом случае в начале имен стоит немецкая буква «аш», она же английская «эйч».

- Откуда ты знаешь?

– Немецкий в школе учила.

- Выходит, это не совпадение?

– Что тебя удивляет? Старик привез в Россию дневник немецкого летчика, в котором упоминается Анна Гиппиус. Нет ничего странного в том, что у него находят рисунок из чемодана этой женщины. Кстати, буквы «А» и «Н» на акварелях совпадают с ее инициалами.

- Думаешь, акварели рисовала она?

– Из дневника мы знаем, что она актриса, про то, что художница, – нет ничего. Когда переведут остальное?

– Сейчас позвоню. – Сергей достал телефон. – Эдуард Васильевич, здравствуйте, следователь Дуло. Извините, что беспокою. Ах, вы уже на работе? Вызвали... подменяете... Хотел попросить перевести хотя бы еще немного. Перевели? Вот большое спасибо! Да, конечно, приеду. – Он убрал телефон и сказал Полине: – Едем в отель.

В обратном направлении в Москву ехать быстрее. За сорок минут добрались до отеля, который располагался недалеко от Кремлевских стен. Притормозив на парковке, Сергей спросил:

- Ты со мной?

– Здесь подожду.

- Я задержусь, нужно поговорить с начальником службы безопасности.

– Тогда я – домой.

- Вызвать такси?

– Зачем такси, отсюда маршрутка ходит. Почти до самого дома. Ты скоро?

- Не знаю.

Они одновременно вышли из машины и направились в разные стороны: Сергей – в отель, Полина – к автобусной остановке.

Глава 14

Картавый

– Много перевели? – спросил Сергей, забирая конверт, такой же, как в прошлый раз.

– Пришли бы завтра, было бы больше, – ответил Кирбик.

– Переведете еще?

Эдуард Васильевич вежливо улыбнулся:

– Как обещал. Теперь мне и самому интересно.

– Иванов здесь? – спросил Дуло.

– Недавно прошел к себе.

Сергей на ходу расстегнул папку, чтобы засунуть туда конверт. По лестнице мимо него пробежал какой-то мужчина. Сергей обернулся и, узнав Иванова, крикнул:

– Вадим!

Не обратив на оклик никакого внимания, тот выбежал в вестибюль.

Сергей сунул папку под мышку и бросился вслед за ним. Оглядевшись, будто кого-то искал, Иванов выскочил из отеля и побежал куда-то по улице. Через несколько минут вернулся мрачный. Сергей поджидал его в вестибюле.

– В чем дело?

Вадим Иванов отдал ему помятый листок, который держал в руке, а сам направился к стойке ресепшен. За ним туда подошел Сергей.

– Что это? – Он расправил лист и спросил еще раз: – Кто это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.